

Даниил Гольдин

Сказка
о
Причине
и
Следствии

Даниил Гольдин

Сказка о причине и следствии

«Тип-Топ»

2017

УДК 82-311.3-93
ББК 84(2Рус-Рос)6-4

Гольдин Д.

Сказка о причине и следствии / Д. Гольдин — «Тип-Топ», 2017

ISBN 978-5-906097-31-6

У Майкла было всё, что нужно человеку, нашедшему себя в жизни: любимая работа в агентстве «Счастье задаром», красавица подруга, бюджетный седан за выслугу лет и дракон в подчинённых. Но даже жизнь, похожая на сказку, приедается, и Майкл, как и мы с вами, жаждал, чтобы наконец произошло что-нибудь по-настоящему грандиозное. А вот апокалипсис – совсем не то, о чём он мечтал. Говорят, «не валяй дурака, если ты променял хорошую жизнь на плохого коня». А в случае Майкла этот конь – его лучший друг. Даже не конь, а единорог. Когда по улицам текут кровавые реки, для рефлексии нет времени. Так что Майклу ничего не остаётся, как объединиться со взбунтовавшимся Вторым Всадником апокалипсиса и вступить в схватку с Чумой, Голодом и Смертью, чтобы обратить вспять первозданные законы Причины и спасти свою любовь и друзей, да и себя самого от неминуемого Следствия.

УДК 82-311.3-93
ББК 84(2Рус-Рос)6-4

ISBN 978-5-906097-31-6

© Гольдин Д., 2017
© Тип-Топ, 2017

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	14
Глава 3	21
Глава 4	26
Глава 5	33
Глава 6	40
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Даниил Гольдин

Сказка о причине и следствии

Глава 1

– Джерри, тебе не кажется, что обдолбанный единорог – не самое желанное чудо на планете?

– Нет, дружище, – невозмутимо отозвался Джерри, развалившись на кафельном полу, с которого ловко подбирал своими мясистыми лошадиными губами самокрутку, глубоко затягивался и аккуратно клал обратно.

– И вообще, почему твоя туша на полу – это первое, что я должен видеть каждый день? – Кажется, я слегка нервничал этим утром.

– Потому что до начала рабочего дня ещё пять минут. Тебе что, не спится? Мог бы ещё посмотреть свои человечьи сны про сочных тёлочек и похищение пришельцами и не приставать ко мне тут.

– Ладно, брось огрызаться, нам пора бы работать. Ты в курсе, что у нас новенький? Будет здорово, если он не сбежит на следующий же день, как последние двадцать кандидатов.

– Опять человек? – Джерри лениво приподнялся.

Я кивнул. Единорог скептически фыркнул и снова развалился на кафеле.

– Сольётся. Кроме тебя, тут никто не задерживался, только ты один неправильный какой-то.

– Ну, вообще, на него дали Сверху хорошую рекомендацию. Так что вдруг... – Честно говоря, я сам был почти уверен, что новичок не захочет у нас остаться, но поспорить с Джерри – дело принципа.

– Он должен прийти через час. Я его встречу. Где остальные? Ты уже запустил Раздачку?

– У меня ещё три минуты. Ещё три минуты ты мне не начальник. Так что, пожалуйста, Майки, расслабься и отстань от меня.

Я удовлетворил его просьбу, ведь и вправду пришёл раньше времени. Даже не припомню, когда такое случалось в последний раз: чёрт меня дернул вскочить сегодня так рано. Может, виной тому предчувствие по поводу новичка. Несмотря на скепсис, который я разделял с Джерри, я всё же надеялся, что в этот раз что-то будет иначе. Ну хоть раз-то должно случиться так, что человек, которому придёт извещение Сверху, окажется готов к встрече с невероятным и останется в нашей конторе. Ей-богу, я соскучился по нормальному человеческому обществу. Мне нравятся Джерри и Криша, и Эми, и все остальные – они отличные ребята, но представьте, что вы по десять часов в день проводите в компании суккуба, единорога и ещё нескольких

созданий, не поддающихся однозначному определению, и вы поймёте меня. Обратите внимание: не час, не денёк, не весёлую недельку, после которой можно как ни в чём не бывало вернуться к обычной жизни, а каждый день вашего конечного размеренного существования.

Часы на стене звякнули, прервав мой внутренний монолог, а минутой позже появилась Криша, волоча тяжёлую спортивную сумку. Невыспавшаяся, растрёпанная и, как всегда, чертовски красивая.

– Всем привет! – пропела она, плюхнулась в кресло и мгновенно задремала.

– Никогда не понимал, как она до сих пор не свихнулась от диссонанса, – пробормотал я не то в пространство, не то обращаясь к Джерри.

– Ну а что, быть может, ей как раз проще, чем нам всем: ночами она истязает, днём дарит счастье, – единорог идиотски хихикнул. – Гармо-о-о- ния.

– Хм... В тот момент, когда ты перестанешь спонтанно изрекать мудрые мыслишки, я решу, что дрянь, которую ты куришь, окончательно сгноила твои мозги, и уволю тебя.

– Слушаюсь, босс. – Копытный благожелательно дёрнул ушами, встал с пола и двинулся к рубильнику, торчавшему из стены.

– Врубай, – кивнул я.

Джерри положил голову на рычаг, надавил, механизм в стене зашумел. Отбор сегодняшних счастливиц начался. У нас было ещё минут сорок пять, чтобы подготовиться к встрече новичка, пока машина решала, кому из семи миллиардов сегодня повезёт.

Потихоньку подтянулись остальные мои подопечные: несколько странных существ и Лари. Лари, дворняга со стоящими ушами, которые он предъявлял как бесспорное доказательство того, что его матерью была чистокровная немецкая овчарка, казался самым нормальным из них (или наоборот? – решение этого вопроса зависело от точки зрения на то, что у нас в отделе принимать за норму).

За что и кем – я точно не знал – Лари был наказан тысячей лет службы здесь, в агентстве «Счастье задаром» имени Великого Скотта. Правда, это было не единственное его наказание. Волею ребят Сверху, каждая его хозяйка, коих сменилось немало за последние восемьсот лет, имела склонность к сомнительному удовольствию намазать свои гениталии чем-нибудь соблазнительным для собачьей натуры, и Лари, сломленный за века собачьим естеством, был вынужден вылизывать их как лакомство. Уверен, он бы дорого дал, чтобы научиться противиться этому, но ведь Наказание Сверху на то и Наказание Сверху, что от него ещё никто не смог увильнуть.

Сегодня Лари втащил свою тушу последним. Язык был высунут наружу, пёс прерывисто дышал.

– Майкл, надеюсь, нам не отключили воду? – жалобно спросил он вместо приветствия. – Мне противно засовывать в рот собственный язык. Включи мне воду, пожалуйста, – промямлил он на вполне правильном английском.

Я открыл ему кран, он облокотился передними лапами на раковину и долго полоскал свой длинный язык под холодной водой. Закончив, кивнул мне, облегчённо закрыл пасть и улёгся в своём углу.

Следовало обратиться ко всем, чтобы не получилось как в прошлый раз: новенькая шлёпнулась в обморок, как только вошла к нам. Не знаю, о чём они там думают, направляя девчонку лет семнадцати в нашу контору. Я б тоже решил, что моя крыша протекла, если б в семнадцать лет вошёл в винную лавку и там бы меня встретили дракон в очках (пусть и небольшой), конь с рогом и Лиззи. Кто такая Лиззи, я до сих пор понятия не имел – все называли её просто Лиззи. Обязанности свои она выполняла исправно, поэтому жаловаться не приходилось.

– Коллеги! – начал я.

– Да, шеф! – продрала глаза Криша.

Все лица и морды обратились ко мне.

– Объявляю выходной для всех.

Коллектив радостно зашептался. Трое херувимчиков залопотали на своём мелодичном языке. Я продолжал:

– Как вы, возможно, знаете, сегодня к нам Сверху направили новенького. Снова. Он человек, и я бы хотел, чтобы он тут задержался.

Я вас всех люблю, но человеку, знаете ли, нужен человек. Поэтому попрошу остаться Кришу и Джерри. Остальные могут быть свободны.

– Это разумно – ограничить количество действующих лиц, – задумчиво проговорил единорог.

– Майки, – подал голос Лари из своего угла, – пожалуйста, можно я останусь? Мне не дадут помыть язык дома.

– Ладно, оставайся. Собака вряд ли испугает парня. Только помалкивай поначалу.

– Есть, босс! – Лари застучал хвостом по полу, выражая радость.

– Ну, идите. Как бы наш парнишка не появился раньше времени.

Существа не заставили просить себя дважды и в момент покинули помещение через главный вход. Лиззи же просто испарилась с отведённого ей стола.

Когда в офисе остались только те, кто был мне нужен, я попросил Джерри заняться разбором номеров, выданных Раздачкой.

– Не лучшие случаи для новичка, – буркнул он, просматривая бумажки, которые выкинула машина. – Ладно, разберёмся.

Я дал возможность Крише чуть-чуть вздремнуть, а остальным собраться с мыслями, поэтому не трогал их больше до десяти утра.

Минута в минуту, как и было назначено в письме Сверху, новый «счастливчик» подошёл к винной лавке «Амбре» и трижды стукнул по прилавку. Наш старик невозмутимо открыл ему дверцу в стеллаже с французским полусладким и пропустил внутрь.

В проёме лестницы, ведущей к основному помещению магазина, стоял молодой парень лет двадцати трёх – двадцати семи, не скажу точно. Его старили глубокие морщины на лбу и вокруг глаз, неизвестно откуда взявшиеся в таком возрасте.

– Здравствуйте, я Джим, – нерешительно начал он, оглядев полупустой офис.

Джерри лежал на полу, поэтому столы закрывали его от новенького, так что Джиму видны были только я, Криша и Лари. Это значило, что, с его точки зрения, в помещении находились собака, мирно посапывающая в кресле красивая девчонка в драных джинсах, из-за спины которой через подлокотники свешивались кожистые крылья, которые можно было принять за экстравагантную одежду, и я (вполне типичный представитель своего вида).

– Привет, Джим! – поздоровался я, протянув руку. – Я так понимаю, это тебе пришло письмо Сверху. Что ж, приветствую тебя в агентстве «Счастье задаром» имени Великого Скотта!

Парень нерешительно осмотрелся и ответил:

– Да, это я Джим. А вы, должно быть, Михаэль?

– Забудь про официоз, – я попытался ободрить новенького. – Называй меня Майкл. Ты в курсе, чем мы занимаемся?

– Да-а, – протянул он. – В письме было написано, что вы занимаетесь осчастливливанием, – он растянул слово, словно хотел распробовать его, – людей. Я решил, что это шутка, но в письме также было сказано, что в случае неявки моя душа будет навеки отправлена в небытие, так что заглянул вот...

Он явно был немного растерян. Я и сам так думал, когда получил такое письмо. Я подступил поближе к нему и доверительно наклонился, постаравшись придать тону максимальную серьёзность, чтобы парень вдруг не подумал, что я издеваюсь над ним.

– Джим, скажи, ты веришь в Высшие силы?

Он заглянул мне в глаза, видимо, сомневаясь, стоит ли вообще отвечать.

– Не уверен. Я не верю в бога, но что-то должно быть... Наверное, – добавил он после паузы.

– Уже проще, – улыбнулся я. – Проходи. Стой!

Он мгновенно замер на месте, будто занёс ногу над миной. Я хмыкнул, отметив скорость его реакции.

– Ты готов увидеть единорога?

– Что?

– Загляни в себя и ответь: готов ли ты увидеть единорога?

– Настоящего? – уточнил он на удивление серьёзно.

– Да. Настоящего.

Он помедлил. По его лицу я не мог определить, о чём именно он думает: о единороге, о своей готовности столкнуться с неведомым или о том, не псих ли я.

– Нет, – наконец ответил он.

– Хорошо, – кивнул я. – Сейчас ты увидишь единорога. Он тут, за столами прячется.

Джим отошёл от двери и увидел Джеральда.

– Не бойся, ты не свихнулся, ты правда видишь перед собой единорога. Его зовут Джерри. Та красотка, спящая в кресле, Криша. Да, она похожа на демона с картинок. У неё есть крылья. Она спит, потому что всю ночь мучила людей в их снах и очень устала. Такой вот странный тут у меня мирок... – Я осёкся, поняв, что наверняка сморозил лишнего, но всё же продолжил: – Тем не менее она работает тут с нами. Собака в углу тоже разговаривает. – Я постарался скорее отвлечь парня от Криши. – Его зовут Лари.

Лари кивнул, а Джим облокотился на ближайший стол, переводя сосредоточенный взгляд с одного существа на другое. Не самая болезненная реакция из тех, что я видел, надо сказать. Даже очень здравая. Было в его бегающих карих глазах что-то осмысленное, словно он и не был растерян, а анализировал происходящее, точно зная, зачем и на кого в данный момент смотрит.

– Джим, ты должен понять, что тебе выпал шанс поработать в месте, находящемся в прямой юрисдикции Сверху. – Я многозначительно ткнул пальцем в потолок. – Точнее, кого-то Сверху, если быть точным. Наша задача – доставлять крупницы счастья тем, чьё имя выдаст Аппарат по раздаче Счастья. Чёрт, слишком много информации сразу! Не умею объяснять. – Я подошёл к рубильнику на стене, порылся в лотке под ним и вытащил бумажку. – Смотри: Артур Фокс, четыре года, сейчас находится в графстве Ратленд, Великобритания. В общем, мы знаем точно, что именно принесёт этому мальчугану настоящее счастье.

Откуда знаем – не спрашивай, мы сами без понятия. Приходит с опытом. Вернее, мы сами ничего не знаем. Просто, когда мы оказываемся рядом, с человеком происходит что-то... хорошее. – Неудачное слово, но ничего лучше в голову не пришло. – Это и есть счастье. Несколько человек в день. Обычно не больше десятка – двух. Вон там, в дальнем углу, – машина перемещения. Вкладываешь бумажку и оказываешься неподалёку от человека, которому несёшь счастье. Естественно, он нас не видит. Нам надо просто недолго побыть рядом с ним – и всё.

Джим несколько раз моргнул, но непохоже было, что он испуган. Просто не решил ещё, как реагировать.

– Давай я, – подал голос Джерри, мгновенно приковав к себе внимание новичка. – Смотри, Джим, я единорог. Серьёзно, я лошадь с рогом на лбу. Без понятия, откуда он взялся у меня, но как есть. У меня четыре ноги, копыто на каждой из них и хвост. А ещё я пристрастился к человеческой травке. Ты любишь травку, Джим?

– Д-да, наверное, – пробормотал Джим. Замолчал, а потом спросил: – Джеральд... верно? Вы не будете возражать, если я потрогаю ваш рог?

– Валяй, – ответил Джерри и снисходительно наклонил голову, хотя стороннему наблюдателю направленный на парня метровый штык мог бы показаться угрожающим.

Джим осторожно подошёл к нашему копытному, который всё ещё вальяжно валялся на полу, и протянул руку к его витому рогу. Но, как только указательный палец коснулся достоинства Джера, тот вдруг вздрогнул всем телом, мотнул головой, отчего рог размашисто расскрёк воздух между ними, и вперился глазами в отскочившего Джима. Тот принялся бормотать извинения, видимо, испугавшись, что сделал животному больно. Однако и извинения эти, как и всё его поведение, не были суетливыми или истеричными – напротив, мне пришло в голову, что он просит прощения так спокойно, будто был к этому заранее готов.

– Хочешь? – после небольшой паузы Джерри примирительно указал мордой на валявшийся на полу окуроч. – Если брезгуешь – могу свернуть тебе новый, хотя я всё равно делаю это ртом. Прости, я какой-то нервный сегодня, – добавил он, когда парень вновь направился к нему. – Не знаю, что меня вдруг так передёрнуло.

– Вовсе не брезгую. – Джим поднял тлеющую самокрутку и глубоко затянулся, будто держал в руках трубку мира. Этот парень начал мне нравиться.

– Так держать, – подмигнул единорог уже совершенно дружелюбно. – Хочешь ещё?

– Джерри! – Я неодобрительно рыкнул на друга. Не хватало, чтобы он распространял своё нездоровое пристрастие.

– Слушай, Джим, ты должен понять, что это всё взаправду, – закудахтал я, всё ещё стараясь донести до новичка суть происходящего. – Ребята Сверху выбрали тебя, чтобы ты присоединился к нашей организации, но ты вправе отказаться. Сегодня ознакомительный день, мы покажем, что тут к чему, а завтра тебе предстоит выбрать: если ты придёшь сюда снова, то как минимум до конца жизни проработаешь с нами и твоё имя будет вычеркнуто из претендентов на «Счастье задаром». Если не придёшь, то никогда не вспомнишь о том, что видел это место. Никаких огненных геенн. Выбор за тобой.

– Та-ак, – протянул Джим, – хорошо. А зачем «ребятам Сверху», как вы выразились, я?

– Понимаешь ли, чем больше людей... существ, – поправился я, – работает в конторе, тем больше имён мы получаем в день, тем счастливее человечество.

– Хорошо. Но почему я?

– Этого никто не знает, – отозвался Лари со своего коврика (голос у него был удивительно низкий и приятный). – Единственная наша связь с ребятами Сверху – вот этот аппарат в стене. Он выдаёт нам задания на день. Наша забота – просто присутствовать рядом с теми, чьи имена он выдаёт.

– Ну-у... если это не мой пьяный бред, то звучит довольно просто. Есть какой-то подвох?

Чёрт возьми, этот Джим даже не попытался сбежать сразу, как только собака заговорила. Наверное, распустить остальных было правильным решением, пусть сегодня кто-то и не получит счастья. По крайней мере, наши шансы на обновление штата начинали обнадёживать.

– Если это не мой бред, или не его, не их, – я обвёл рукой присутствующих, – то работа действительно проще некуда.

- Ты любишь, когда тебя чешут за ухом? – поинтересовался Джим, обдумав мои слова.
– Да! – хором ответили Джерри и Лари.

Джим улыбнулся и подошёл сначала к собаке. Присел на корточки и поскрёб Лари за торчащим ухом. Потом шагнул к Джерри и, уточнив, можно ли к нему прикоснуться, повторил действие. Я заметил, как Джерри напряжённо прижал уши к голове, пока парень не дотронулся до него. На этот раз ничего не произошло, и Джим как ни в чём не бывало погладил единорога по рыжей шерсти. Это, кажется, успокоило Джерри, мясистыми губами он принял у новичка свой окуроч, а потом позволил себя погладить.

Я смотрел на них, стараясь понять, что творится в голове у парня. Пока он ублажал моих подчинённых, я подошёл к Крише и легонько толкнул её. Она мгновенно подняла на меня глаза и шепнула:

- Я наблюдаю, мне тоже интересно, что он будет делать дальше.
Тем временем Джим наконец обратил внимание на меня и Кришу.
– Здравствуйте, мэм!

Криша сонно засмеялась. Полагаю, ей было несколько сотен лет, но выглядела она не больше чем на двадцатник.

– И тебе привет, малыш. Я тут не начальница – он начальник. – Она ткнула в меня пальцем и потянулась. – Так что давай без «мэм». Я Криша, и, если когда-нибудь тебя мучили кошмары, это моя работа. Не могу сказать, что эта часть моей жизни доставляет мне огромное удовольствие, но уж как есть. Не бойсь, здесь я тебя не обижу. – Суккубка улыбнулась и, чтобы покрасоваться, расправила кожистые крылья.

- Джим протянул ей руку и в очередной раз представился:
– Я Джим.

Криша пожала её своей когтистой лапой, присовокупив к этому очаровательную улыбку.

– Ну хорошо. Если это не сон, покажите, что мне нужно делать... Кстати, если это настоящая работа, то предусмотрена ли зарплата?

Я, видите ли, нуждаюсь в средствах, – уточнил новенький, словно извиняясь. Видимо, эта тема доставляла ему дискомфорт.

– Это сложный вопрос... – Я пытался с ходу подобрать слова, чтобы объяснить нашу систему оплаты. – Ты получишь всё, в чём нуждаешься.

Что именно это значит, поймёшь только на собственном опыте. А работа и вправду весьма непыльная. Сейчас мы отправимся на первое сегодняшнее задание, там во всём разберёшься. Сколько у нас их сегодня, Джерри?

– Шесть, ты ведь отпустил всех остальных.

– Ничего, переживут. Давай первого. Джим, идём со мной. Криша, можешь вздремнуть ещё. Лари, ты как?

– Готов! – Пёс поднялся со своего места и пошёл к установке в дальнем конце нашего офиса.

– Мы называем его «Вестник счастья», – поведал я Джиму. Тот кивнул и последовал за мной.

Мы втроём встали на зелёную платформу, которая тут же засветилась, замигала, и вокруг нас возникли прозрачные вращающиеся стенки, которые, постепенно ускоряясь, через минуту скрыли за собой офис.

– Джерри редко ходит с нами, обычно он отвечает за координацию нашего графика, – пояснил я. – Большой слишком.

– Понял, – Джим кивнул. – Прости, а ты тут единственный человек? – спросил он, когда нас окончательно отгородило от помещения штаб-квартиры вращающимися стенками.

– Да, так вышло.

– А почему... откуда вообще взялись эти существа? Без обид, – добавил он, покосившись на Лари, который снова вывалил язык, на этот раз от жары.

– О, не спрашивай. Я сам не особо знаю.

– Да и мы, – добавил Лари. Разумеется, пёс слукавил, но сейчас это было более чем уместно: нечего пока грузить парня ненужной информацией. – Каждый может рассказать о себе что-то, но что из этого правда, а что нет – только ребятам Сверху известно. Так что, может, тебе посчастливится узнать что-то новенькое, но вот я, например, работаю тут в наказание последние восемь сотен лет... – Я толкнул его в бок, и Лари сконфуженно поджал хвост, осознав, что это явно не те сведения, которые необходимы новичку первым делом. Кто ж захочет работать вместе с каторжниками! Мой неуклюжий пинок, вероятно, не укрылся от цепкого взгляда парня, но виду он не подал.

Зелёные стенки замедлили свой бег, и за ними стала различима больничная палата.

– Никто здесь не увидит и не услышит нас, но именно мы станем причиной того, что ты увидишь. Что бы это ни было, – предупредил я.

Вращение остановилось, и барьеры растворились в воздухе. Мы стояли в больничной палате. Двое детей на соседних койках: мальчик лет четырёх (видимо, тот самый Артур Фокс) и девочка чуть постарше. Оба были без сознания. Судя по количеству аппаратуры, это была реанимация. Компьютеры мерно попискивали, маски на детских личиках качали кислород.

– Обычно долго ждать не приходится, – пробормотал я, предчувствуя не лучший вариант распределения счастья.

Прошла всего минута, и обе машины в унисон тревожно ускорили темп своих пиков, а затем разом перешли на непрерывный истеричный визг. Двери распахнулись, вбежали медсёстры и врач, дефибрилляторы загудели – заряжались. Разряд. Короткий сбивчивый писк – и снова непрерывная нить на экранах.

– Заряжайте. Разряд!

Джим стоял замерев, сжав челюсти, чуть выставив руки вперёд, будто готовился к действию. Мы с Лари украдкой переглянулись. Разряд! На мониторе мальчика появился пульс, прибор успокоился и вновь перешёл на ритмичное попискивание, а с девочки сняли маску, отключили ребёнка от машины и с головой укрыли простынёй.

Джим отступил на шаг и шумно выдохнул. Я заглянул ему в лицо. Странное выражение: словно печаль, смешанная с досадой. Когда мы возвращались, он уточнил:

– Это и было его счастье?

– Ага, – отозвался Лари. – Ему повезло. И не спрашивай почему.

– А разве мальчик сможет оценить его или хотя бы почувствовать? Когда-нибудь?

Я нахмурился: это был правильный вопрос, но мне очень не хотелось сейчас его обсуждать. Я помолчал, решая, насколько подробно стоит ответить.

– Счастье в понимании ребят Сверху – сложная штука. Или, вернее, очень простая. Похоже, у них есть определённое представление о том, что есть Счастье и для кого. И зачастую их представление не совпадает с моим или твоим.

– И мы на самом деле влияем на происходящее, но сами ничего не можем сделать, находясь там?

– Влияем ли мы? – Я задумался. – За четыре года здесь я не узнал ничего о том, как именно работает этот механизм. Мы просто должны быть рядом, чтобы Счастье случилось. Но вызываем ли мы его... не знаю точно.

Джим кивнул и больше не спрашивал об этом.

Бывали гораздо более приятные случаи для демонстрации новичкам: ребёнку дарили щенка, мужчина, пропавший на войне, возвращался домой живым и невредимым, бесплодная женщина узнавала, что беременна, альпинист торжествовал на вершине. И всё же ни один не остался.

– Что дальше? – поинтересовался Джим, когда мы вернулись в офис. В его голосе сквозила не то мрачная ирония, не то искренняя печаль.

– На сегодня ещё пятеро. И не такое бывает, так что держись. – Я хлопнул парня по плечу.

– И почему он, а не она? – внезапно спросил он.

– Говорю же: лучше не задумывайся об этом, – терпеливо пояснил я.

– Не думай о причине и следствии, здесь их нет, – встрял Джеральд.

– Просто ребята Сверху так решили, – поддержал его я. – Им виднее. Наша задача только доставить посылку. Мы тут, можно сказать, простые солдаты.

Парень резко вскинул на меня глаза, мгновение разглядывал моё лицо, слегка потряс головой и расслабился.

– Понимаю. Мистер единорог, а у вас не найдётся табаку?

Джерри вопросительно поднял бровь.

– Табаку, Джерри, – я многозначительно выделил это слово, строго глядя на копытное. – Поделись с парнем, у него был не лучший первый раз.

Джерри открыл ящик стола и мягкими губами достал готовую самокрутку. Для меня все ещё оставалось загадкой, как он крутил их без рук. Да и вообще откуда единорог брал свои запасы. Но тут у каждого свои секреты, и этот казался мне далеко не самым интересным.

Джим затаился пару раз, благодарно передал курево Джеральду и вернулся к нам. Криша встала с кресла, расправила крылья и тоже поднялась на зелёную платформу.

– Кто там второй? – спросил я.

– Хэнк Бишоп, девяносто один год, – ответил Джерри, и зелёные стенки начали своё вращение...

Кроме трагичного первого знакомства, Джиму выпали вообще не самые простые истории. Старик Хэнк был счастлив умереть: его три года истязала подагра. Немец средних лет дождался жену, вышедшую из комы после аварии абсолютно слепой. Молодой воришка рыдал от счастья в зале суда, услышав приговор к тюремному заключению, потому что его мучила совесть. Только последние двое не вписались в общий мрачный тон. Австралийская девчонка лет двадцати выпускала на волю коалу, плакала и подгоняла удивлённое животное. Серфер где-то у побережья Калифорнии, упав с доски (под нашим пристальным наблюдением с далёкого берега), увлекаемый водоворотом, скользнул, возможно, в паре сантиметров от подводного утёса, или акула по одной ей ведомым причинам отвернула пасть от его беспомощно дрыгаю-

пихся ног. Он вышел на берег, совершенно не подозревая, чего избежал, абсолютно счастливый, передохнул и снова бросился навстречу волнам.

Джим больше не обращался к Джерри за куревом, внимательно наблюдал за всеми действиями и время от времени о чём-нибудь вежливо спрашивал. К концу дня он погрузился в задумчивость, однако у меня не было ощущения, будто он подавлен. Скорее, просто не знает, что делать со всем этим новым миром, свалившимся на него.

– Наш парень, – шепнула мне Криша, когда мы вернулись с последней ходки.

– Не уверен, – пробормотал я. – По крайней мере, сомневаюсь, что я бы остался, если бы в первый день мне показали то же, что и ему.

Вечером Джим, ещё раз почесав зверьё, дружелюбно попрощался со всеми и сказал, что должен серьёзно подумать.

– А если я решу не приходить? – спросил он напоследок.

– То не вспомнишь об этом дне вообще, продолжишь жить, как жил, имея шанс на дармовое счастье. Или дармовое везение, если это можно так назвать.

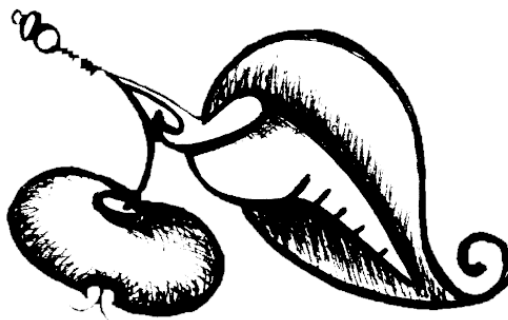
– Понял, – кивнул он. – Всем доброго вечера. Надеюсь, ты не пошлешь мне кошмар сегодня ночью. – Джим усмехнулся, помахал рукой Крише и вышел через стеллаж винной лавки.

На следующий день я снова был в офисе за пять минут до начала рабочего дня и снова ворчал на Джерри. А тот шумно спорил с коллегами, сгрудившимися у стола. На этот раз почти все подтянулись раньше меня, чтобы сделать ставки на то, явится ли новичок.

Часы звякнули, возвестив о начале рабочего дня, Раздача вовсю жужжала. Джим не показывался.

– Спасовал парень, – грустно вздохнул я. – Не повезло ему с демонстрацией.

– Не спеши, Майки. Ты тоже опоздал в свой первый рабочий день, – сладко пропела Криша, зевнула, поудобнее устроилась в кресле и задремала.

Глава 2

На самом деле моё рабочее утро началось не в офисе: ко мне домой заявился Посланник. Мне уже доводилось общаться с ним дважды за три года работы в агентстве, но на этот раз меланхоличный господин явился ко мне как гость, и настрой у него был предельно серьёзный.

Когда я проснулся и, продрав глаза, отправился за чашкой чая для себя и кофе для Элис, он уже сидел там, у меня на кухне, и покачивался на стуле. Как и в прошлые наши встречи, он был дружелюбен, и всё же пронизывающий взгляд светло-голубых глаз, впившийся в меня вместо приветствия, заставил нервничать и отпустил только с уходом владельца. Не знаю, какие ещё поручения кроме связи с системными клерками вроде меня он выполняет.

– Сядьте. – Без лишней прелюдии Посланник указал на мой же стул. Я опасливо оглянулся, не застанет ли нас здесь Элис, прикрыл дверь и послушно сел.

– Парень, – неопределённо начал человек в старомодном чёрном костюме, закидывая ногу на ногу и поправляя брючину, – который вчера к вам приходил... Думаю, вы догадались, что он не так прост, как кажется.

Я отрицательно помотал головой.

– Принудить его никто не может, – протянул гонец, – однако ему будут приходиться оповещения снова и снова, пока он не согласится остаться в агентстве. Он нужен там, таков план, и в ваших интересах, чтобы согласился он как можно скорее. – На последней фразе он сделал сознательный акцент.

Я решился спросить:

– А что в нём такого? Парень с виду неплохой, но ничего примечательного.

Делиться своими наблюдениями о его выдержке и необычайной собранности я не стал.

– Да кто его знает, – пожал плечами вестник. – Мне поручили – я передаю. – В его небрежном жесте явственно ощущалась фальшь. – В общем, Майкл, вводите его в курс дела, как только он созреет. Не сегодня, так через пару дней или месяц. – С этими словами он поднялся, вежливо приподнял шляпу и, отказавшись от чая, вышел через дверь.

Я принял к сведению его слова, на скорую руку сообразил завтрак себе и Элли и, поставившись не нарушить её чуткого сна, поцеловал её и отправился в контору – так было каждый раз, когда Элис возвращалась рано утром с ночного дежурства.

В офисе царил оживление: Лари принимал ставки. Криша и Джерри считали, что парень явится. Лари – что нет, остальные поставили наугад, поскольку вчера не присутствовали. Ставки были одним из немногих развлечений нашего штата. Играли, естественно, не на деньги, а на вызовы. Проигравшие отрабатывают клиентов за других. Я не поощрял их тотализатора, но смотрел на него сквозь пальцы – в конце концов, никакого другого корпоративного досуга я своим подчинённым предложить не мог.

Собаچه чутьё редко подводило Лари – обычно оно оказывалось куда достовернее любых других прогнозов. Но на этот раз он ошибся. Было уже почти одиннадцать часов, когда Джим вбежал в винную лавку. Наш старик впустил его, и парень замер в дверях, шумно дыша и с интересом оглядывая собравшихся: все были в сборе и тут было на что посмотреть. Серафимчики зависли под люстрой и что-то лопотали на своём курлыкающем языке. Эмилион свернулся клубком в кресле, Лиззи, поблёскивая электрическими сполохами, перекладывала какие-то документы.

– Прошу прощения за задержку, – отчеканил Джим, успокоив дыхание. Коллектив с умилением пялился на него, потому что отродясь тут никто не извинялся за опоздания, да и наказаний за это (по крайней мере, выявленных) не предусматривалось. Работа была настолько нетрудной, что вряд ли казалась кому-то из нас тяжким бременем.

– Доброе утро, агент Джим! – Надо же, с первого раза. А мог бы сюда хоть год каждый день ходить и на единорога тарашиться. Я постарался, чтобы мой голос звучал ободряюще.

– Я решил, что хочу работать с вами, – отозвался он. – Я не спал ночь и под утро отключился. Такого больше не повторится. – Хоть парень говорил сбивчиво, его интонации, речь и осанка внушали уверенность, что он и правда вряд ли ещё раз опоздает.

– Да сколько влезет, – отмахнулся я, стараясь избавиться от странного ощущения. – Всё равно своё отработаешь рано или поздно.

– Видимо, я ещё не знаком со всеми. – Парень снова оглядел собравшихся с приветливым любопытством.

– Да, я вчера отпустил многих, – пояснил я. – Чтоб ты не грохнулся в обморок.

Его глаза бегали от Лари к Лиззи. Джерри смиростивился и пришёл на помощь. Он процокал по кафелю к Джиму, встал рядом с ним и объявил:

– Коллеги! Это наш новый сотрудник, прошу любить.

Парень кивнул и представился:

– Здравствуйте, я Джим. Я так понимаю, мы будем работать вместе, так что хотел бы со всеми познакомиться.

Криша была на вызове, поэтому ей не удалось поторжествовать на горяченьком. Эмилион, прыгая со стола на стол, подобрался к парню, протянул ему когтистую лапку и представился. Джим устался на ящерицу и осторожно пожал протянутую лапу. Джерри мотнул головой в сторону херувимчиков:

– Они не говорят по-английски и абсолютно бесполезны для этой истории.

Херувимчики возмущённо залопотали на своём певучем наречии. Не обращая на них внимания, я представил Лиззи. Та не произнесла ни слова за все три года, что я здесь. Да и никто из работавших в конторе последние сотни лет не припоминал, чтобы она когда-нибудь подавала голос. В коммуникации она ограничивалась странным попискиванием, напоминавшим звук падения капель с потолка глубокой пещеры.

– Вот, Джим, а это Лиззи. Мы её так называем, потому что не знаем, как её зовут на самом деле. И вообще мы без понятия, кто она такая.

– Да что там, думать о ней – пустая трата умственного ресурса. Не понимаю, зачем Майкл в принципе уделяет ей внимание, – высказал своё мнение Джеральд и солидно фыркнул.

Лиззи, белесый, переливающийся еле заметным сиянием шарик, парила над полом. Рассматривать её можно было бесконечно: в её переливчатом теле то и дело вспыхивали гипнотизирующие узоры, будто крошечные звёзды зажигались и гасли, образовывали скопления и вновь разлетались. Но ведь пялиться на кого-то некрасиво, так что, наверное, никто никогда не присматривался к этим метаморфозам. Разве что украдкой. Да ещё Джерри, перебрав с травкой пару раз, приставал к ней, бодая рогом. Впрочем, рог свободно проходил сквозь неё, как и любой предмет, кроме тех, что попадали в поле её воли, которой этот сгусток явно был наде-

лён. Лиззи исправно выполняла все свои обязанности и просьбы коллег, так что жаловаться не приходилось.

– Что ж... – Я дождался, пока Джим познакомится со всеми присутствующими. – Вот твоё рабочее место. – Несмотря на скепсис, вчера вечером я всё же расчистил один из пустовавших столов и достал со склада кресло. Кресло было деревянное, обитое мягкой кожей и жутко тяжёлое – похоже, последний раз в нём сидели лет двести назад.

Лари рассказывал, что в начале девятнадцатого века в агентстве работал один пожилой человек, но недолго: то ли свихнулся, то ли помер – короче, в один прекрасный день просто не явился на службу. Возможно, кресло принадлежало именно ему.

Джим пробрался к указанному мной столу, аккуратно обойдя развалившегося на полу Лари, сел, поёрзал на антикварном троне и вопросительно посмотрел на меня.

– Подходишь к Раздачке, – это вон та штука в стене, я тебе вчера показывал – берёшь любую бумажку из лотка и идёшь к телепорту. – Джим кивнул. – Закладываешь в него бумажку, встаёшь на платформу – и вуаля, ты на месте. – Я постарался максимально просто изложить алгоритм действий.

– Угу, – протянул Джим. – А обратно как?

– Да само как-то. Просто не дёргайся, почувствуешь, как тебя тянет куда-то. Не противься – и вернёшься обратно. Ну давай, счастливицы не могут ждать, – подбодрил я.

Джим встал с кресла (похоже, с явным облегчением) и направился к Раздачке. Запустил руку в лоток и достал бумажку. Прочитал про себя.

– Ну, что там? Давай колись – это ритуал, – подал голос Джерри.

Джим ещё раз взглянул на бумажку и громко прочёл:

– Кристиана Блайнд, двадцать четыре года, штат Массачусетс.

Парень встал на платформу, почесал затылок и кинул бумажку в лоток. Зелёные стенки аппарата закрутились, скрывая новичка.

Как только он исчез, машина снова заработала, а когда заслоны остановились, с платформы сошла Криша, по обыкновению зевая. Она устроилась в кресле, однако, вместо того чтобы с ходу задремать, принялась задумчиво грызть коготь. Годы, проведённые в агентстве, приучили меня подмечать подобные мелочи, но эти же годы приучили меня не лезть в дела сотрудников, так что я занялся своими вызовами на сегодня.

Похоже, не я один заметил странность в поведении суккубки – Лари подошёл ко мне, ткнулся носом в коленку и движением головы попросил отойти с ним в сторону.

– Криша грызёт ногти, только когда очень сильно нервничает, – тихо проговорил Лари, когда мы вышли из общего зала. – Что-то явно случилось на вызове – загривом чую.

– Вы всегда ладили, если хочешь – спроси у неё сам. – Я был удивлён, что пёс обратился ко мне. – А я бы не стал пока что вмешиваться.

– Ты прав. Просто хотел уточнить, одному ли мне показалось...

– Показалось что?

– Что Криша... Как бы это сказать? Испугана.

– Мне показалось, она просто нервничает. Криша испугана? Не припомню, чтобы видел её хоть раз даже взволнованной.

– Вот именно. Мне доводилось видеть её на взводе. Но тут... это похоже на страх или тревогу. Я ведь как-никак собака – я чую это.

– Ладно. Спасибо, что сказал. Давай пока не будем трогать её. Уверен, если она сочтёт нужным – она поговорит с тобой. В конце концов, может, просто устала. Приласкайся к ней, что ли, по-собачьи, как ты умеешь.

– Благо от неё не пахнет арахисом, – согласился Лари и вернулся к остальным.

Я последовал за ним и, задержавшись в дверях, оглядел нашу контору. И не скажешь, что мы одна из древнейших организаций, сопутствовавших всему развитию человечества. Гово-

рят, когда-то тут работали десятки людей и всевозможных существ, но постепенно всё чахло, сотрудники уходили. По разным причинам: кому становилось скучно, кто умирал, кто просто бесследно исчезал. Так или иначе, сейчас, в двадцать первом столетии, под моим началом кроме наказанного пса, не менее наказанной суккубки, единорога-наркомана и Лиззи работали трое серафимчиков, видимо, низшего ранга (я никогда не уточнял), и Эмилион. Эмилион был драконом. Правда, он легко умещался у Криши на коленях, где и проводил большую часть времени, подрёмывая – родственные души быстро нашли друг друга.

Об Эмилионе я кое-что знал. Немного, но всё же больше, чем об остальных. Он происходил из древнего рода откуда-то с востока. Весь его вид постепенно вымер, не найдя себе пристанища в изменившемся с появлением людей мире, так что он остался один, коротая тысячелетия за мелкими пакостями и порождая сотни преданий о себе в разных уголках планеты. Так, из могущественной твари, чьи предки сражались в древних битвах, он превратился в ту странную зверушку, что сейчас скользила по столу, перерывая мордой какие-то записи.

От усердия из ноздрей вился дымок, четыре лапки цокали коготками по лакированной столешнице, а чешуйчатый хвост то скручивался в кольца, то разворачивался. Туловище под кожистыми крыльями перехватывал ремешок, на котором крепилась миниатюрная фляжка, – да, измельчали драконы. Но, может, оно и к лучшему.

К нам Эмилион попал, случайно встретив одного из гонцов – тот увидел последнего дракона и пристроил сюда. По крайней мере, такую версию своей истории рассказал мне сам Эми. В её правдивости у меня были серьёзные сомнения.

Собственно, это весь наш штат. Почти все много болтают, все о чём-то да умалчивают. И всё же откуда эта лошадь с палкой во лбу достаёт дурь? У него же даже денег нет! Он вообще отсюда выходить не дол...

Мои размышления прервал затарахтевший доставщик, выплюнув Джима. Он буквально вывалился из аппарата и ошарашенно оглядел нас.

– Ч-ч-что это было? – только и смог выдавить парень, показывая нам свои ладони. Его лицо, одежда, руки были в чём-то красном, и он с недоумением смотрел на нас.

С помощью Криши я отвёл Джима к креслу, мы усадили его, а Эмилион сунул ему под нос свою флягу. Что там было за пойло, не знаю, но оно вернуло взгляду парня осмысленность. Первое время Джим только сбивчиво объяснял:

– Разорвали... они её разорвали... ещё живую.

Потом затих, уставившись перед собой. Я взял его за плечи:

– Джим, расскажи нам, что произошло.

Все сгрудились вокруг кресла. Он отёр рукой лицо, размазав красную слизь, посмотрел на свою испачканную ладонь, сжал кулак. От Джима шёл характерный тяжёлый запах крови.

– Успокойся! – Я слегка потрянул его. – Ты ни в чём не виноват.

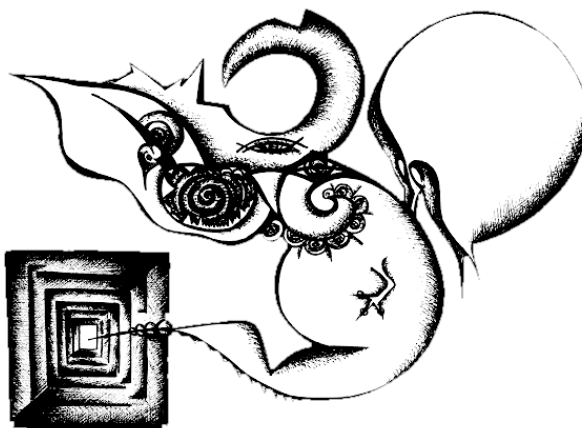
А теперь расскажи нам, что тебя так напугало.

– Ты меня о таком не предупреждал. Они её... – снова забормотал Джим. Потом глубоко вздохнул, закрыл глаза, а когда открыл, в них не было и следа паники, лишь сосредоточенное напряжение. А в глубине, куда я зачем-то заглянул, клубилось что-то такое, от чего по спине забегали тысячи крошечных мурашек.

– Я сделал всё, как ты мне объяснял. Я оказался в недостроенном здании, а там была эта девушка... – Он замолчал, вытянул руку, и дракон молча протянул ему флягу. Глотнув пойла, парень продолжил рассказ таким же твёрдым голосом.

Из его слов выходило следующее: когда он оказался в пустом здании, он увидел девушку, которая явно собиралась покончить с собой – удавиться на потолочной балке. Джим смотрел, как она встаёт на заготовленную башенку из кирпичей, накидывает себе на шею петлю. Затянув узел, она, как рассказал Джим, посмотрела куда-то в сторону, проговорила что-то вроде: «Ты пришла за мной! Спасибо!» – и вытолкнула из-под себя опору. Тогда он увидел другую

девушку – там, куда смотрела первая. Она стояла у стены, в длинном белом платье, и улыбалась, пристально разглядывая его. Поняв, что он её заметил, она послала ему воздушный поцелуй. А потом появились «они» и разорвали дёргающуюся на верёвке самоубийцу на куски. Она кричала, хваталась за петлю, а они выдирали мясо из её тела. Джим пытался добраться до неё и помочь, отогнать налетевших тварей, но ничего не мог сделать – его затыгивало назад.

Мы выслушали сбивчивое описание «их», и Эмилион мрачно определил:

– Похоже на импов. Последний раз я видел их тысяч семь лет назад. Санитары, чистильщики времён Битвы Первородных. Существа коричневого цвета, размером с жирную муху, живущие роями. Похоже?

– Да. Не больше шмеля, – подтвердил Джим.

– Крылатые тварёныши известны своей способностью в момент избавлять от мяса труп любого размера. Собственно, для этого их и создала Воля.

Закончив рассказ, Джим оглядел нас и хмуро спросил:

– Что это было?

Ему никто не ответил: все были растеряны и молча переглядывались. Только Джерри передёрнул ушами и, задумчиво присвистнув, отошёл к аппарату доставки.

– Майки, подойди! – Я приблизился. – Смотри! – Джерри поставил копыто на платформу.

На затоптанной поверхности были явственно различимы смазанные брызги крови, там же лежал маленький окровавленный предмет. Я присел на корточки и осторожно поднял его. Это был фрагмент тела, скорее всего, палец. Пока все взволнованно обсуждали случившееся, мы с Джерри отнесли его к раковине, и я обмыл находку. Это действительно был оторванный палец, три фаланги. У основания, в лохмотьях разорванного мяса, обнаружилось кольцо. Я попытался стянуть его, чтобы рассмотреть. Непростая задача, как оказалось: палец постоянно выскальзывал из рук, и в какой-то момент я чуть не упустил его в сток. Но в конце концов снял кольцо со стороны обрубка, положив сам палец на край раковины.

– Ты знаешь это кольцо?

– Нет. Кольцо как кольцо, – отозвался Джеральд, осматривая находку.

Действительно, ничего примечательного в нём не было – изящное колечко, видимо, серебряное, незамысловатый узор и крупный рубин в форме сердца в обрамлении нескольких крошечных алмазов.

– Сердце? – Джерри презрительно фыркнул. – Это пошло. Особенно если колечко важное.

Несколько секунд я с подозрением рассматривал рыжую морду, пытаюсь определить значение его слов. Он мог брякнуть это просто так, но хитро склонённая набок голова сообщала

мне, что, скорее всего, единорог имеет в виду что-то определённое, однако распространяться не спешит.

– Может, это всё стекляшки. – Я пожал плечами и снова повертел в руках колечко. – Не очень разбираюсь в ювелирном искусстве. Красивая штука, но ничего примечательного. Наверное, если бы оно было важным, мы бы это поняли.

– Много ты понимаешь... – съязвил единорог, но на этот раз я просто проигнорировал его выпад.

– Лучше сохранию как было. – Я надел кольцо обратно на обрубок и осмотрелся в поисках чего-нибудь, во что можно было бы завернуть находку. Джерри понял меня, отошёл и вернулся с салфеткой из-под моих бутербродов. Ничего лучше под рукой не было, поэтому я завернул палец, отнёс к своему столу, вытащил из контейнера с завтраком всё съестное, положил туда палец и спрятал в сумку. Почему-то я был уверен, что мне скоро представится шанс спросить о находке кого-нибудь более сведущего.

– Стоит хорошенько подумать, к кому с этим обратиться, – угадал мои мысли Джерри. – Я тут не так давно, как Лари или Криша, но тоже дофига, и за все годы в конторе ни разу не слышал ни о чём подобном. Да ещё чтобы кто-то во время вызова обратился к агенту. Что-то из ряда вон. Там, на вызовах, нет Причины и Следствия, а значит, сделать это может только Воля.

Он не стал утруждать себя разъяснением своих слов и продолжил:

– Ты скоро поймёшь. Эта вторая девушка, заметившая Джима, – совсем чертовщина какая-то. Получается, счастья не вышло, то есть посылка не пришла. Система сбоит. Что-то я сомневаюсь, что девочка кайфовала, когда её заживо драли на куски. Даже по их странным меркам, это не Счастье. Не обычное счастье избавления.

Я кивнул и предположил:

– Может быть, счастлива была вторая девушка, глядя, как умирает первая? Но почему она послала Джиму поцелуй?

Джер ответил, понизив голос:

– Отпусти меня сегодня пораньше, я знаю, у кого можно что-нибудь разузнать.

Я снова кивнул, выждал немного и громко обратился к остальным:

– Коллеги, ситуация форс-мажорная, но надо доработать вызовы на сегодня. Сообщайте, пожалуйста, если случится ещё что-нибудь необычное.

Криша вновь засунула в рот коготь и принялась его грызть. Джим так и сидел в кресле, с драконьей фляжкой в руке. Вот уж досталось парню! Нельзя его так оставлять. Я подошёл к нему и потрепал по плечу:

– Не уверен, что точно знаю, что произошло, Джим. Обычно ничего такого не случается. – Он поднял на меня цепкие ясные глаза.

– Вторая девушка... Какая она была? – спросил я, отводя взгляд, лишь бы не затягивалась пауза.

– У неё были рыжие волосы... – медленно проговорил Джим. – И ещё она была невероятно красива. Я сразу это заметил. Больше в ней не было ничего необычного. Она ничего не сделала, чтобы помочь той, первой, только стояла и наблюдала. Словно ей было грустно. А как только заметила меня – улыбнулась и послала поцелуй. – Он отвечал последовательно, будто анализировал какие-то отвлечённые факты.

– Посиди тут немного, я закончу дела, и пойдём выпьем где-нибудь по чашке кофе. Попробуем разобраться, что это за херню ты видел. Идёт?

– Хорошо, – отозвался парень и вновь погрузился в свои мысли, вылив в рот остатки драконьего пойла.

Глава 3

Выждав с полчаса и убедившись, что остальные доставки проходят без эксцессов, я позвал Джима пройтись. Надо было поподробнее разузнать, что к чему, да и парню явно требовалась компания. Мы вышли из нашей лавчонки в безлюдный переулок, примыкавший к довольно оживлённой улице, – там без проблем можно было найти, где перекусить. Особенно мне нравилась одна забегаловка с восточноевропейской кухней. Обычно идти до неё днём было лень или дела в агентстве требовали присутствия, к тому же я каждый раз оставался поболтать с кем-нибудь из наших, так что приходилось бегать до ближайшей закусочной за китайской лапшой навынос, но сейчас проблем со временем не было, и я отвёл Джима туда.

Есть он не стал, сказав, что нет аппетита («Ещё бы!» – подумал я, однако сам чувствовал сильный голод). Наскоро выбрав ужин, я хотел было расспросить его о рыжей девушке, пославшей ему поцелуй, но парень был так хмур, что я решил начать с каких-то общих, ни к чему не обязывающих вопросов. В конце концов, он ведь мой новый подчинённый, а я о нём ещё совершенно ничего не знаю.

– Джимми... Не возражаешь против такого обращения?

Он мотнул головой.

– Расскажи о себе. Чем занимаешься в жизни, какие планы?

– Ну-у... – Он призадумался. – Я ветеринар, – сообщил парень доверительно. – Точнее, хочу выучиться на ветеринара. Нужно было пойти в колледж, но на это не было денег, поэтому отслужил в армии по контракту, вернулся, поработал тут и там, сейчас пытаюсь по дотации поступить в вашу ветеринарную академию, но денег всё равно не хватает – трудно совмещать учёбу с работой. Вот, собственно, и всё.

– То есть ты не здешний? – уточнил я. По-английски Джим говорил практически без акцента, так что я не взялся бы определить, откуда он родом.

– Нет, – парень махнул рукой куда-то в сторону улицы, видимо, подразумевая, в какой стороне его дом. – Я из маленькой деревеньки на востоке, родители жили там, и их родители тоже, кажется.

– А семья, родные? – Мне становилось всё интереснее. У Джима явно была непростая жизнь, и к нам он и вправду попал не случайно.

– Родители были очень против армии, так что я просто ушёл, не считаясь с их протестом. Но, когда вернулся, закончив контрактную службу, они так обрадовались, что я жив и цел, что всё простили. Они хотели, чтобы я остался с ними, но эта жизнь не для меня. Так что я перебрался сюда, к товарищу, и пытаюсь поступить.

– А девушка? Жена?

Он мотнул головой, хотя я уже не был уверен, означает ли этот его жест отрицание.

– А на девушек ни времени, ни денег. Я как-то больше животных люблю. – Он усмехнулся. – Особенно лошадей. Вот сейчас закончу учиться – там посмотрим.

Лошадей любит, родителей любит. Ветеринаром быть хочет. Вроде, хороший парень, но что же в нём такого особенного, что его трудоустройство в конторе стоило визита Посланника? Ну служил, но таких тысячи, в конце концов. Что же в нём такого?

– Джим, скажи, а до письма у тебя в жизни происходило что-нибудь необычное?

– Ну я бы не сказал. Ничего странного, что я мог бы сейчас выделить. – И, подумав, добавил: – Мне много раз везло в армии. Точнее, я много раз должен был погибнуть. Я служил в десанте, нас не раз выкидывали в Афганистане, в Сирии, на Балканах, дважды я оставался единственным выжившим из отряда. Но такое бывает сплошь и рядом. Говорят, везунчик, вот и всё.

Значит, десант, война, горячие точки – беспроблемно простой анамнез непростого парня. Это объясняло поразившее меня хладнокровие Джима. Похоже, он видел вещи и похуже, чем разорванная импами девушка.

Его лицо вновь стало печальным. Наверное, наш разговор навёл парня на не самые приятные воспоминания.

– Давай не будем об этом, ладно? – попросил он. – Не люблю вспоминать. Лучше расскажи мне поподробнее про то место, куда я попал. – Он подался вперёд, положил руки на стол и приготовился слушать. – И вообще, раз есть вы, значит, есть какие-то сверхъестественные силы? Рай и ад? Или что там на самом деле, какие они?

– Как это ни смешно, я не могу ответить на эти вопросы, потому что сам не имею ни малейшего понятия. Мы называем их «ребята Сверху». И все, кто был до нас, тоже так их называли. Пару раз мне доводилось встречать Посланника – он типа курьер Сверху. Поручения всякие выполняет или что-то такое. Когда я его видел, это был вполне солидный тощий мужик в строгом костюме. Ещё можешь порасспрашивать ящерицу или Джерри – у них опыта побольше в общении с вышестоящими, да и вообще обо всём устройстве они побольше моего знают. Насколько мне известно, Крише больше тысячи лет, а Джеральд, может, и того старше.

– Майкл... – он замялся.

– Да?

– Майкл, скажи, а почему ты босс, если есть сотрудники гораздо старше и опытнее тебя?

– Ну тут могут быть только лишь мои догадки: я человек, вроде как венец творения. Может, поэтому? Сам бы хотел знать наверняка. Просто, когда я пришёл, все уже знали, что, если я останусь, буду шефом.

А я даже не в курсе, какие ещё есть конторы. – Я улыбнулся – меня самого всегда забавляла эта нелепая конспиративная иерархия.

– Раз есть «Счастье задаром», значит, наверняка есть и агентство несчастья, – предположил Джим.

Я пожал плечами – действительно был не в курсе, да и ребята, вроде, не знали. По крайней мере, кажется, никого из конторы в контору сейчас не переводят, и информации неоткуда взяться.

Размышляя, Джим сосредоточенно разглядывал узор на салфетке. Мне пришлось дважды его окликнуть, чтобы вывести из задумчивости.

– Прости, что снова тереблю, но я должен расспросить: может, было что-то ещё, ты не заметил? Там, в здании с девушкой.

– Да, я сам хотел тебе сказать... В общем, те существа, мелкие, с зубами, они явно тоже меня видели. Один врезался в меня и тут же отлетел прочь. А остальные облетали место, где я стоял. И вторая девушка. Почему она видела меня? Вчера такого не было.

– Джим, ты должен понять: то, что случилось – нечто не укладывающееся в установленный порядок. Такого не бывало, о таком никто не слышал. – Я выдержал паузу, чтобы показать всю серьёзность ситуации. – И я сам сейчас знаю не больше твоего. За всю историю нашей конторы подобного не происходило. Судя по всему, какой-то сбой Системы – мы не доставили частицу счастья, как должны были, и импы – те существа, которых ты описываешь... Я слышал о них от Эми, когда он рассказывал какие-то древние предания. Главное, не вини себя. Ты тут вообще ни при чём, это что-то с Системой, тебе жутко не повезло.

– Да уж, – пробормотал он, – не может же всегда везти. Это ведь не из-за меня?

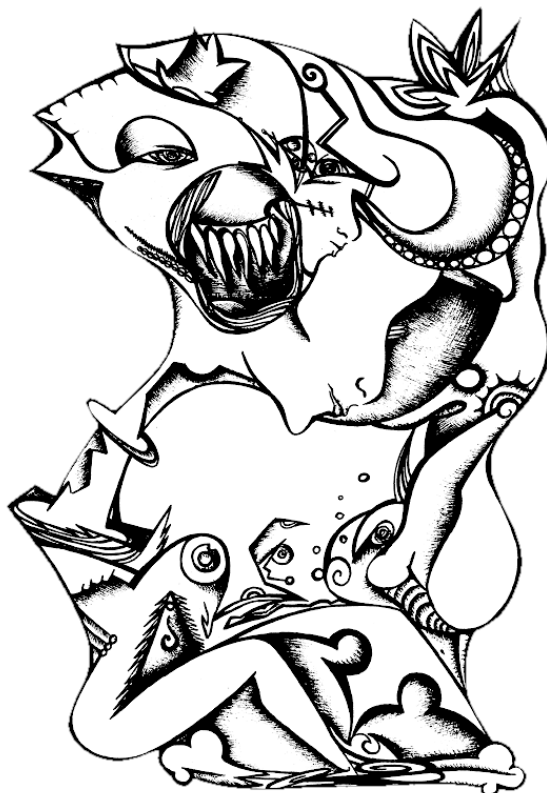
– Нет, – как можно увереннее ответил я.

– Мне всё не даёт покоя та, вторая девушка... Постоянно возвращаюсь к ней мысленно. В ней было что-то очень странное, даже чарующее. Она казалась такой печальной... Я что, правда попал в какое-то потустороннее агентство? – закончил он с усмешкой.

– Ну не то чтобы потустороннее – мы все находимся во вполне земном пространстве, офис у нас в подвале под винной лавкой. Просто сделано так, что туда никогда никто не зайдёт, кроме тех, кому полагается. Тебе полагалось. – Кажется, я воспринял его вопрос излишне серьёзно.

– Ладно-ладно, – он слегка ободрился, – я не хотел никого обидеть. Слушай, поскольку ты там единственный человек, расскажи, как ты устроился. Я так понял, ты тут уже много лет.

– Три года. С половиной. Как мне стукнуло девятнадцать, я собирался уехать учиться в Германию, но получил письмо – и вот я здесь. Честно говоря, я, как и ты, сначала подумал, это шутка. Даже когда сходил в контору и увидел их всех. Решил, наркотиками накачали... Родители не одобрили моё решение отказаться от хорошего образования, но быстро смирились.

– Ты вчера сказал, что я буду получать всё, что нужно. Как это происходит?

– Да сам увидишь. – Я заговорщически подмигнул ему. – Это странная история. Примерно раз в пару недель ты находишь у себя дома зарплату. Она постоянно изменяется – от

двухсот долларов до десяти тысяч. По крайней мере, ни больше ни меньше никто не получал за последние десять лет, как говорит суккуб. Ребятам Сверхху, видимо, чужд библейский аскетизм, так что материальных сложностей у тебя точно не будет. Только не думай, что это всё халява. В агентстве бывает полно работы.

– Мне понравилось вчера. Надеюсь, как сегодня больше не будет. Ты объяснишь мне, что это было, когда сам узнаешь?

– Если узнаю. Но обязательно скажу, если что-то будет. – И если Сверхху позволят, – добавил я про себя.

Джим встал и попрощался:

– Знаешь, я, наверное, пойду поброжу. Надо подумать обо всём этом. У меня куча вопросов, но они терпят.

Мы пожали друг другу руки, и он вышел из кафе.

Я проводил его взглядом, опустил глаза, задумался, перебирая в пальцах салфетку на коленях, скрутил её в валик, развернул и тут вздрогнул, заметив перемену в обстановке: на месте Джима сидел Посланник. Он не пытался привлечь моё внимание, просто сидел и ждал, закинув ногу на ногу. Надо признать, это было эффектно. Я вопросительно смотрел на него, а он как ни в чём не бывало подозвал официантку, заказал бокал вина и устремил такой же вопрошающий взгляд на меня, будто это я подсел к нему в кафе.

Я догадывался, почему он здесь, но из осторожности предоставил ему возможность начать разговор, лишь сухо поздоровался. Он сел поудобнее, отпил вина, подержал его во рту, проглотил с видом гурмана, оценивая напиток, и впервые обратился ко мне по имени:

– Майкл, формальности нам больше ни к чему, поэтому давай перейдём на «ты». Тем более нас ожидает непростая беседа. А мне пора бы представиться. – Худощавый джентльмен протянул мне руку. – Меня зовут Разиил. Я Посланник от Первородных. На самом деле я не столько гонец, сколько вестник. И заодно тот, кто знает о мироздании больше других. Если хочешь, я куратор от, как вы, люди, это называете, божественного начала. Все ведомства Системы, связанные с людьми, в моей частичной... можно сказать, юрисдикции. И сегодня я хочу поговорить с тобой очень серьёзно.

– Я думал, мы всегда серьёзно разговаривали, – вяло съязвил я.

– Да, для тебя. Для меня эти разговоры не имели значения. А этот имеет. Да и для всего сущего тоже. Видишь ли, история человечества подходит к своему логическому завершению, а чтобы всё прошло согласно плану, участникам необходимо подготовиться, и твоя роль в этом довольно велика. – Его интонация ничуть не изменилась, когда он перешёл от знакомства к концу света.

– Так, погоди, – осадил его я. – Какой конец, какая роль? Я вообще думал, ты хотел поговорить о нашем новеньком или о той херне, которая сегодня случилась.

– Обе эти темы имеют непосредственное отношение к Концу. Скажи, что ты знаешь об устройстве мироздания?

– Полагаю, ничего, если ты задаёшь мне этот вопрос. Бесконечно расширяющаяся Вселенная, галактики, планета, ядерные реакции, сложные взаимодействия материи – ты об этом?

– Это антураж. Лишь причина и следствие. Друг мой, верь или нет, этот мир, как и все другие, – эксперимент. Его устройство – развлечение для того, кого вы назвали бы богом. И, как любой эксперимент, он должен когда-нибудь завершиться. Впрочем, у меня ещё будет возможность рассказать тебе обо всём подробнее. Обещаю, ты всё узнаешь. Однако сейчас важно другое: то, что сегодня произошло, – начало, которое запустило некоторые необратимые процессы раньше, чем мы того ожидали.

– Ты об импах?

– Да. Эти создания должны чистить поле битвы, и никто не в состоянии помешать им делать их работу, даже Создатель. Сейчас, как ты понимаешь, никакой битвы нет даже по

плану, так что Система дала сбой. Ещё как минимум месяц по человеческому времени они не должны были появляться.

– Так... я всё ещё не понимаю, о чём именно ты говоришь, Разиил. – Я повторил его имя, чтоб не забыть. – Сегодня и без того тяжёлый день. Прошу, изложи внятно, что должен, а подробности позже.

Он кивнул:

– Я так и собирался, сейчас нет смысла рассказывать тебе всё. В общем, не своди глаз с Джима. Раз Система дала при нём такой сбой, мы не можем предсказать, что ещё может произойти.

– То есть сегодняшнее происшествие – его вина?! – опешил я.

– В некотором роде да. Точнее, вины тут никакой нет, но он причина, и вот следствие. Почему так произошло – мы пытаемся разобраться. Видимо, человеческая суть берёт верх над сущностью. – Посланник задумчиво сдвинул шляпу на лоб. – Ты многого не знаешь об этом парне, да и сам он пока не представляет, что ему предопределено. Пока что я должен попросить тебя и твоих коллег – я ещё поговорю с ними – не распространяться о сегодняшнем происшествии. Ты должен знать, что история людей рано или поздно подойдёт к концу и лично ты примешь в этом непосредственное участие. Та часть мироздания, в которой ты участвовал, жила согласно плану до сегодняшнего дня, так что я надеюсь, и в грядущем ты выполнишь всё, как положено Волей и как располагают Причина и Следствие. А теперь я покину тебя, и мы встретимся тут завтра около десяти вечера по вашему времени.

– В десять они уже закроются, – проворчал я, не скрывая своего раздражения его пафосной речью.

– Правда? – Кажется, он был искренне удивлён. – Ну что ж, тогда встретимся у закрытого входа и пойдём в другое место. Нам предстоит непростой разговор. – Он встал, направился к дверям, но притормозил и бросил через плечо: – Кстати, будь сегодня внимательнее к своей подруге. – Самодовольно усмехнулся и вышел из кафе через дверь, как вполне обычный господин.

Его слова меня порядком озадачили. Я ожидал разных странностей от ребят Сверху, но разговоров про Конец ещё не слышал. Да и упоминаний логического завершения человеческой истории от Посланника Разиила (Разиил, Ра-зи-ил – не забыть бы, а то неловко выйдет) не припомню. Что-то мелькало в полупьяных рассказах Эмилиона об апокалипсисе, но я обычно пропускал эти байки мимо ушей. И в подробности он никогда не вдавался. Всё же на тот момент меня куда больше беспокоили не загадочные слова Посланника, а накопившаяся усталость, так что я направился домой и сразу улёгся спать. Элис почему-то не было – наверное, решила пройтись по магазинам, отдохнуть от ночного дежурства.

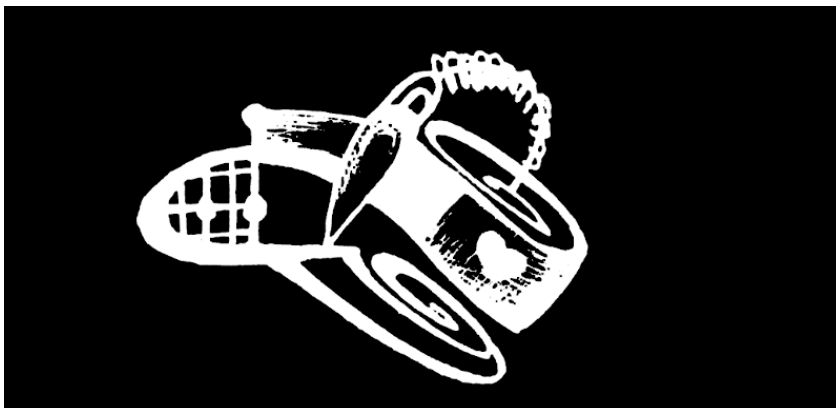
Мой недолгий сон прервали тревожные возгласы Элис:

– Майкл, что это? Майкл!

Продрав глаза, я обнаружил у себя перед носом свою коробку для бутербродов. На дне её болтался уже подгнивающий палец, о котором я напрочь забыл.

Глава 4

Моя милая Элис за два с половиной года нашей совместной жизни повидала немало странностей и относилась к ним в основном с мудрым спокойствием. Она знала только, что я работаю в какой-то неофициальной организации в сфере услуг. Она никогда не спрашивала, почему я постоянно в шерсти и пару раз приносил на одежде перья, сочтя, видимо, что если я сам не рассказываю о работе, то ни к чему в это лезть. Элис не донимала меня тем, что у меня нет счёта в банке на чёрный день, не злилась, когда я задерживался в офисе, не удивлялась самим собой оплаченным налогам и откуда-то бравшейся в холодильнике еде, моим вялым выдумкам относительно того, в чём же заключается моя должность. Даже когда мне пришлось взять к себе переночевать Эмилиона и Элли застала его в четыре утра пожирающим мясной пирог, она лишь попросила предупреждать, если я приношу в дом говорящую ящерицу. Дракон решил, что повёл себя невежливо, поэтому не моргнув глазом поблагодарил хозяйку, оторвавшись на секунду от пирога, после чего как ни в чём не бывало продолжил уплетать ужин.

И всё же найти в коробке из-под бутербродов отрубленный палец моя милая была не готова.

Про кусок жертвы я напрочь забыл и оставил его в сумке, а Элис, видимо, решила заботливо сделать мне бутерброды на завтра.

Она села на край кровати, поставила на подушку передо мной контейнер и вкрадчиво повторила вопрос:

– Майкл, объясни мне, пожалуйста, почему у тебя в сумке отрезанный палец. – Она уже немного взяла себя в руки. Я не знал, как выкрутиться, поэтому молчал.

– Я знаю, ты не любишь говорить о работе, я привыкла к странностям, но теперь я беспокоюсь за тебя. Ты влез в какие-то неприятности? Я не буду допытываться, главное, скажи, что у тебя всё в порядке.

– У меня всё в порядке, – брякнул я, понимая, что это Элис не успокоит.

– Майкл, это грёбанный отрезанный палец! Ты даже не врач. Я не знаю ни одной профессии, для которой это было бы нормально! – Её голос дрогнул.

– А это и не связано с работой, – начал импровизировать я. – Просто мне очень понравилось кольцо, хозяйка не хотела его отдавать, и я забрал его вместе с пальцем. Честно-честно!

– Кольцо? – Она была окончательно сбита с толку, снова заглянула в коробочку и, видимо, только сейчас заметила на пальце кольцо. – При чём тут кольцо?

Пути назад уже не было – всё равно рано или поздно это надо было сделать. Я вынул палец из вымазанной засохшей кровью коробочки, снял с него кольцо – благо оно было действительно красивое – и вложил весь свой актёрский талант в вопрос:

– Элис, ты мне доверяешь?

Он сощурилась и кивнула. Я взял её руки в свои и выговорил одним духом:

– Тогда выходи за меня!

Её зрачки расширились, видимо, она уже начала думать, что это бредовый сон.

– Но, – пробормотала она и снова посмотрела на обрубок, – при чём тут палец, Майкл?

– Забудь, просто глупая шутка, я хотел это как-то оригинально преподнести. Кольцо, наверное, чуть-чуть великовато? Так ты станешь моей женой, Элис?

Похоже, она сомневалась, готова ли принять это на веру, поэтому пристально посмотрела мне в глаза – я постарался изобразить саму невинность. Она молча кивнула и подставила руку.

Я, поспешно поплевав на кольцо и протерев его одеялом, надел ей на палец. Элис глубоко вздохнула и произнесла свои первые слова в качестве моей невесты:

– В следующий раз, когда ты так пошутишь, я разведусь с тобой.

Я ни капельки не сомневался, что так и будет, поэтому обнял её, поцеловал и предложил сходить куда-нибудь отпраздновать помолвку. Элис быстро взяла себя в руки, мы собрались, вышли из дому и направились к нашему любимому ресторанчику в переулке неподалёку.

Я постарался незаметно прихватить с собой злосчастный палец и выкинул его в первый попавшийся сточный люк. Видимо, это не укрылось от наблюдательной Элис, или она просто так решила спросить:

– Майкл, где ты взял такой натуральный палец? – Она испытующе посмотрела на меня. – Или он действительно настоящий?

– Просто нашёл, – честно признался я.

Следующий рабочий день не принёс никаких неприятных сюрпризов. Джим, как только явился, поинтересовался, не узнал ли я чего по поводу вчерашнего. Я не стал ему передавать странные слова Посланника, решив дождаться нашего вечернего разговора, а потом уже обговорить всё с Джимом, и сказал только, что спросил знающих людей и скоро будут ответы.

Джим понимающе кивнул и направился к Раздатчику.

Присмотревшись к нему попристальнее, я так и не обнаружил ничего примечательного: парень как парень. Ну серьёзный очень. Коротко стриженные тёмно-русые волосы, синие глаза, широкие плечи, длинный, но не очень заметный шрам пересекает лицо от переносицы к левой скуле. Нос с горбинкой, явно не один раз переломанный. Матёрость делала Джима даже красивым. До этого момента я обращал внимание только на его манеру осматриваться: глаза почти не блуждали, как это обычно бывает у людей, оказавшихся в незнакомой обстановке. Взгляд резко перебежал с предмета на предмет, задерживался на чём-нибудь на время, будто заранее отмеренное, и переходил дальше. Даже когда Джим робел или сталкивался с чем-то ранее неизвестным и непредвиденным, он не переставал подмечать детали. Похоже, это результат боевого опыта. Вчера он запомнил много подробностей, хотя явно не ожидал увидеть подобную сцену.

Лари как обычно валялся на проходе, довольный тем, что может отдохнуть от ненасытной хозяйки, Криша дремала, забравшись с ногами в кресло и забавно поджав их под себя. Вызовов было немного. Джим снова быстро освоился и методично курсировал от Раздатчика к Доставщику, возвращался, что-то бормотал себе под нос – одно удовольствие было смотреть на столь увлечённого своей работой человека. Надо думать, он был очень рад, что никакой дряни больше не происходит...

– Майкл, иногда мне кажется, что с твоим способом восприятия действительности ты бы отлично прижился в рекламе или советской пропаганде, – задумчиво пробормотал Джеральд, неожиданно оказавшийся рядом.

– Отстань, я учусь наслаждаться моментом.

Лиззи тоже подключилась к процессу, отложив отчёты и всякие прочие бумаги, в которых могла разобраться только она. Должен сказать, в небесных сферах та ещё бюрократия, мы даже не пробовали лезть в это – лучше на вызов сгонять лишний раз, чем пытаться разгрести нашу межведомственную отчётность.

– А теперь ты как тот улыбочивый мультяшный человечек в бункере, который рассказывает, как всё замечательно, а вокруг ядерная война.

– Ты что, слышишь мои мысли? – Я с сомнением оглядел лошадиную морду, зависшую над моим плечом.

– Ты просто говорил это вслух. Ты вообще часто говоришь вслух. Не замечал? – Он хитро скосил на меня свой коричневый глаз и фыркнул.

В середине дня я подошёл к Лари, почесал его и спросил, не узнал ли он, что вчера было с Кришей. Он в ответ дёрнул ушами, зевнул и стрельнул глазами в её сторону. Я посмотрел на суккубку – она, оказывается, не спала, сидела, обхватив колени, и смотрела на нас задумчиво, словно не замечая, – даже не отреагировала на мой пристальный взгляд. «Что это она?» – удивился я. Лари отполз за стол, чтоб Крише не было его видно, я последовал за ним и уселся на прохладный пол.

– Она не рассказывала, но, чуёт мой заговор, чего-то случилось. Что-то близится, и Криша об этом знает. Может, увидела какие-нибудь предпосылки. Она ведь древнее существо, чуёт всякую дрянь и знает много. Я не стал её теребить пока что. Да и ящерица какая-то пришибленная. – Собачья морда на миг повернулась в сторону дракона, вяло перебирающего бумаги на одном из столов. – Уж он-то наверняка знает, если действительно намечаются большие перемены, но вряд ли из него удастся вытянуть хоть что-то, пока он сам не захочет. Так что для начала мне надо обсудить свои мысли с Кришей.

– Какие у тебя мысли? Тоже Конец Света?

Он наморщил нос, обнажив клыки.

– Да. Но я не уверен.

– Сегодня вечером я встречаюсь с Разиилом. – Вздёрнувшиеся уши выдали Лари, хотя, в общем, я и не сомневался, что он знаком с Посланником. – Он обещал, что расскажет мне много чего. Сказал, мне предстоит важная роль.

– Ах роль... – Ларри помотал мордой. – Не дай им себя задурить, а то только хуже сделаешь. Система всегда найдёт к тебе подход, как бы осторожен ты ни был, – неожиданно выдал пёс.

– Может быть, пояснишь? – попросил я в надежде услышать больше конкретики.

– А, не столь важно. Ничего не изменишь. Все происходит только так, как происходит. В конце поймёшь. – Он помолчал немного и добавил: – Сегодня после работы мы с Кришей идём в парк – она предложила меня выгулять.

– Сердцеед. – Я потрепал его за ухом и встал, поняв, что больше он ничего полезного не скажет. Надо было переговорить с Джерри, но он оказался на вызове, поэтому я занялся делами. Лари был прав: Эмилион тихо копался в записях, сортируя автоматические отчёты о каждой доставке, и выглядел пришибленным. Я понаблюдал за ним: он ни разу не приложился к фляжке, только время от времени фыркал, при этом из его ноздрей вырывались облачка дыма – это означало, что дракон чем-то взбудоражен (или пьян, но это был не тот случай). Я подошёл к нему.

– Дружище, у тебя всё в порядке?

– Да-да, – быстро закивал он, выпустив из ноздрей дымок. – Мне надо будет с тобой поговорить, но это терпит. Я тебя дёрну, когда надумаю, – уточнил дракон и вернулся к делам, показывая, что сейчас действительно не время для разговора.

– Хорошо, – согласился я. Интересно, что же он знает и откуда?

В любом случае, я был рад, что Эми решил поделиться своими мыслями – это внушало надежду, что Конец или что там имел в виду Посланиик, не застанет нас врасплох. Но то, что все были в курсе происходящего, напрягало. Это подтверждало серьёзность ситуации.

А я в глубине души ещё надеялся, что всё само собой рассосётся, как нелепое недоразумение.

Перед тем как отправиться на встречу с Посланником, я хотел перебраться с Джерри ещё парой слов. Он весь день носился по вызовам, чего за ним обычно не замечалось. Я уж было решил, что он тоже чем-то встревожен и разузнал что-то важное про Конец, но не хочет озвучивать, поэтому скрывается от меня. Когда я спросил его об этом, он воровато огляделся и тихо пояснил:

– Блохи. Я там могу почесаться вдоволь, если стены шершавые.

– Может, тебя почиститься сводить, в конюшню? – предложил я, даже не пытаясь сдерживать улыбку. Мне живо представилось, как Джер неистово трётся обо все попадающиеся стены, лишь бы унять зуд.

– Опять?

– Да брось. Это позитивное мышление.

– Ладно. А рог куда я дену? – он без паузы вернулся к теме, будто и не менял её.

– Да никто и внимания не обратит. Спишут на причуды владельца. Скажу, что искусственный или мутация какая. Мало ли сейчас диковинных пород.

Единорог недоверчиво покосился на меня, потом, подумав, протянул:

– Это было бы здорово, на самом деле.

– Значит, свожу тебя в ближайшее время. Послушай, Джерри, – я понизил голос, – тебе не кажется, что все наши чем-то встревожены? Не только вчерашним происшествием, а чем-то ещё.

Он раздул ноздри, пофыркал и ответил:

– Кажется, босс. И, возможно, я даже знаю чем, но надо проверить.

– Эмилион сказал то же самое, – вздохнул я. – И даже я уже знаю, что дело в Конце Света, так что можешь не темнить.

С Джеральдом мы общались близко. Отчего-то так сложилось, что именно с единорогом у меня установились самые доверительные отношения. Они все были моими друзьями: в конце концов, почти четыре года для коллектива – срок. Даже херувимчики, хотя они по-английски ни слова не знали, а лопотали что-то по-своему. И Лиззи, которая на последний день рождения подарила мне странный округлый камень, переливающийся голубоватым матовым сиянием. Она сопровождала подарок многозначительным пояснением: «Чжииниуи-вуи» и этим ограничилась. Я долго пытался выяснить, что это за вещица, даже на радиоактивность проверял, но так и не дознался. Я их всех любил, но к рыжему, вечно дымящему единорогу как-то особенно привязался, и, похоже, это было взаимно.

– Ящерица должна чутать, даже если не в курсе. Остальные и так знают. Но ты-то откуда? В общем, я не хочу пока что воду мутить, поскольку ничего определённого действительно нет – ни даты, ни времени, ни причины. А откуда ты знаешь?

Я убедился, что до нас никому нет дела.

– Вчера со мной говорил Посланник...

– Какой из? – перебил меня Джерри.

– Разиил.

– А, хранитель тайны, – хмыкнул он. – И чего хотел?

– Сказал, что грядёт конец всему и что я в этом буду замешан. А ещё что Джимми сам был причиной вчерашнего происшествия. Не по его вине, но из-за него появились импы. Сбой Системы, сказал. Не причина и следствие, а чистая Воля. Сегодня опять с ним встречаюсь, обещал подробно всё рассказать.

Джерри машинально жевал своими мягкими губами, обдумывая услышанное. Потом произнёс:

– Ты живёшь как во сне, Майкл. Иногда я тебе завидую. Я тут думал насчёт вчерашнего и нашего новенького. Он непрост. Но давай об этом позже, когда я сам проверю пару догадок. А тебе предстоит много открытий чудных. – Он ехидно сощурился.

Я не стал выяснять, что он имел в виду, только кивнул и собрался уходить – было уже полдевятого, рабочий день закончился, но все были, видимо, слишком возбуждены, чтобы просто разойтись.

– Погодь, – остановил меня единорог. – Почеши, мне голову, пожалуйста, – зажрали твари.

Я исполнил его просьбу, обработал ногтями короткую шерсть у него на морде. Мне показалось, что она теплее, чем обычно, будто у зверюги была температура, но я не придал этому значения.

– Кстати! – вспомнил я. – Теперь твой шеф – без пяти минут женатый человек.

– Да ладно! – оживился он. – Поздравляю! Подозреваю, у тебя есть для меня отличная история, с нетерпением жду рассказа. – Конь подмигнул мне и, самодовольно фыркая от собственной проницательности, удалился в другой конец зала.

Разиил ждал меня, облокотившись на дверь ресторанчика. Он выглядел немного иначе, чем вчера. Передо мной был всё тот же высокий красивый мужчина лет сорока, с аккуратно подстриженной бородой, но шляпы на нём в этот раз не было, и я увидел короткие кучерявые чёрные волосы без залысин. Изысканный плащ-шинель из тонкой шерсти вместо делового костюма. На самом деле, на мой взгляд, на улице было не так уж холодно. Подойдя ближе, я почувствовал лёгкий аромат дорогого парфюма. Казалось, Посланник не замечал меня: он читал. Мне стало любопытно.

– Что это?

– Забавная история, – отозвался Посланник и показал мне корешок. Это были «Мастер и Маргарита».

– «Мастер и Маргарита»? – спросил я, хотя прекрасно видел название. Но меня охватило странное чувство: он просто не мог читать именно эту книгу. Вернее, это было бы слишком предсказуемо, чтобы быть правдой. Будто я мог и не спрашивать, а сам угадал бы, какая книга уместна сейчас в руках у этого существа.

– Удивлён моим выбором? – поинтересовался он.

– Напротив. Но никогда не думал, что вы, ребята Сверху, читаете.

– А что нам ещё делать? – ухмыльнулся Разиил. – Ну здравствуй.

– Здравствуй.

– Прогуляемся?

– Да, конечно. Ты хотел мне что-то рассказать? Кстати, мог бы предупредить о пальце, это была не самая приятная сцена в моих отношениях, знаешь ли.

– Не имел права.

– А намекнуть? А если бы я догадался?

– Не догадался бы, – уверенно ответил он. – И я не буду тебе ничего рассказывать, я тебе покажу.

С этими словами он заглянул мне в глаза и приложил палец, обтянутый кожаной перчаткой, к моему виску. Я даже не успел среагировать: всё потемнело, потом меня будто ослепило вспышкой, и я обнаружил, что вишу в пустоте. Я слышал своё дыхание и дыхание кого-то рядом.

– Майкл, мы там, где началась Вселенная. Он вокруг, повсюду. Видишь ли, так Он запустил свою игру. Чтобы не плодить слов, давай просто называть её Игрой. Естественно, это не настоящее название, просто так тебе будет понятнее.

Кто-то схватил меня за руку – вероятно, Посланник. Я не видел ничего вокруг, не чувствовал ничего под ногами. Просто висел, хотя осязание и слух явно работали.

– Почему я ничего не вижу?

– Потому что здесь нет того, что тебе доступно. Создатель сейчас повсюду, он чистая Воля, но тебе не под силу увидеть его. Сюда мы попали, только чтобы ты узнал, откуда всё взялось.

– Но я ничего не понял. Эта вспышка – это и есть большой взрыв?

– Можешь называть его так, это неважно. Это акт творения, здесь был запущен эксперимент. Здесь Он отдал часть Воли, разделив её на Причину и Следствие. Пойдём сразу к Земле.

Передо мной возникли красный шарик и крошечная солнечная система. Я протянул к шарiku руку, но не достал: видимо, он был где-то очень-очень далеко, хотя казалось, мерцает где-то прямо перед носом.

– А где всё остальное – звёзды, галактики?

– Это не реальность, Майкл. Это лишь имитация, но ради неё и начался эксперимент. Гениальная идея, которая озарила Его.

– Его? Ты говоришь о Боге?

– Если угодно. Я уже говорил тебе, этот мир – эксперимент, игра. Есть существа, которым нечем заняться, кроме как соревноваться в творении. Они воплощают то, что на вашем языке можно назвать чистой Волей. Они ничем не ограничены, ничему не подвластны. Откуда они взялись, я не знаю. Может быть, они тоже продукт чьего-то творения – ни мне, ни тебе этого никогда не узнать. Я думаю, они и сами не знают. Но от скуки в бесконечном бытии они затеяли игру – творить миры. Наш мир – один из интереснейших вариантов. Мы придумали... вернее, Он придумал нечто новое. Вместо того чтобы вести свой мир, преобразовывать его, развивать, усложнять, перестраивать с помощью чистой Воли, Он выдумал нечто особенное. Нечто самостоятельное, слабое, ничтожное и ограниченное, но зато непредсказуемое даже для Него самого. Ради этого нечто Ему пришлось ограничить часть себя и в этой части расщепить

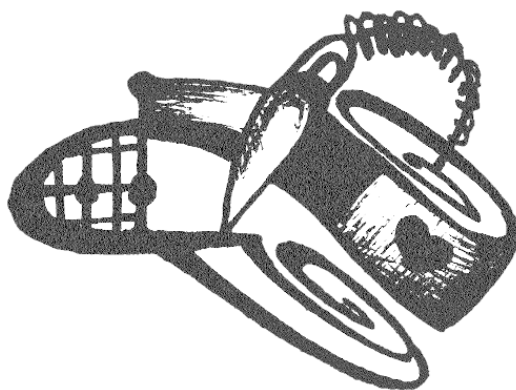
свою Волю на две составляющие, недоступные тем существам: Причину и Следствие. Поэтому эксперимент и продлился так долго: Творец с таким раньше не сталкивался. Жизнь, животные, люди – те, кем нельзя управлять. Части, неподвластные целому. Их это впечатлило.

Пока он говорил, мы стремительно приближались к одной из планет (или это она летела к нам?). Она менялась на глазах – из тёмно-серой с красными прожилками становилась тёмно-синей. И вот мы, пронырнув сквозь облака, погрузились в океан. Я свободно дышал, хотя вокруг явственно ощущал воду.

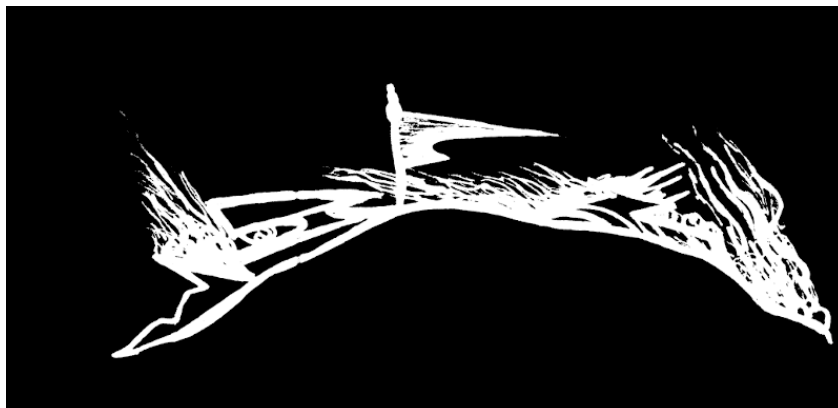
– Он создал жизнь, – продолжал Посланник. – Вернее, Он предположил её возможность. Создать её сам Он не в силах, для этого нужны последовательности, случайности, механизмы, алгоритмы. Законы. Для Творца это лишь чуждые абстрактные идеи. Но Он поверил в Причину и Следствие, и вот смотри – ради этого момента и запускался эксперимент, миллиарды лет изменения Вселенной – для вот этой случайности.

Прямо передо мной две сложные частицы, какие я много раз видел в школе на схемах, слиплись в одну. Мы были будто бы на мелководье, но прямо перед нами молекулы переплетались друг с другом, словно крупные видимые объекты. И я мог в подробностях рассмотреть их устройство. Две цепочки скрестились, обвились одна вокруг другой, потом от каждой из них отделилось по куску и эти куски поменялись местами. Солнце, пробиваясь сквозь воду, подсвечивало эту странную структуру. Фрагменты цепей всё продолжали свой сложный танец, и вот новоявленная жизнь начала извиваться, отдаляясь от нас: то ли уплывала, то ли уменьшалась в размерах. Я мало что понял, но смотрел как заворожённый. Интуитивно я чувствовал величие только что увиденного, робел и восхищался, но всё это было слишком похоже на сон, чтобы я мог до конца поверить в происходящее.

– Это первый шедевр Создателя, Майкл. – Голос Посланника вывел меня из оцепенения. В этой Вселенной нет больше ничего интересного, но это! Мы до последнего сомневались, что это возможно – творение, не подчиняющееся в развитии Творцу. Но на этом всё не кончилось.

Глава 5

Эволюция пробегала перед нашими глазами: условия определяли формы жизни, формы жизни меняли планету. Только что странное существо копалось в илистом грунте, пожирая прячущихся там червеобразных животных, и вот мы уже стоим на пустом землистом берегу, за нашими спинами высятся джунгли, населённые только беспозвоночными, от жужжания диковинных насекомых воздух звенит на тысячу голосов. Из тихого прибоя выскакивает рыба, панически ища спасения в волнах, накатывающих на берег. Разбрызгивая воду, какая-то тварь мчится за ней и с разгону вылетает на сушу, сжимая вытянутыми челюстями трепыхающуюся рыбёшку. У хищника толстое мускулистое тело и мясистые плавники. Он некоторое время лежит на влажном грунте, потом начинает извиваться, толкается плавниками и постепенно возвращается из-под палящего солнца к спасительной воде. Тут действительно жарко. Джунгли исчезают, сменяясь пустынной равниной, поросшей кустарником. Огромная ящерица вяло тащит свою тушу. Закатное солнце слепит меня – не могу рассмотреть её хорошенько. Вижу только, что она волочит ногу, а за ней по пятам, припадая к земле, следуют какие-то другие твари, иногда они отвлекаются, чтобы сцепиться друг с другом, но всё же стараются не потерять из виду издыхающую громадину.

Сцены меняются, как в трёхмерном кино, только тут ещё запахи, тепло и холод. Огромный хищный динозавр (в детстве я хорошо знал их по названиям, кажется, это был аллозавр) несёт в пасти труп другого. Какого-то цератопса. Он переступает через нас с Посланником, не заметив. Когда его голова оказывается надо мной, мне на плечо капает кровь из свежей туши. Я машинально собираю её пальцем, нюхаю – она пахнет чуть иначе, чем кровь человека. Посланник смотрит на меня, усмехаясь:

– Забавно, да? Я волей-неволей передаю тебе целостную информацию. Да, именно так пахла кровь этого динозавра.

– А то, что мы были здесь, не повлияет на ход истории? – спрашиваю я, вспоминая всем знакомую научную фантастику.

– Нет, потому что мы не в истории. Я не переносил нас назад во времени – это невозможно. Реальность происходит один раз. Даже Ему не под силу изменить прошлое, иначе Ему пришлось бы отречься от самого себя.

Я непонимающе нахмурился, и Посланник пояснил:

– Он ограничил себя, чтобы создать этот мир, разорвал часть своей сущности на Причину и Следствие. Воля не в силах изменить Причину и Следствие – они чужды друг другу, существуют по разным законам. Чтобы изменить прошлое, придётся уничтожить ту часть, которая

уже произошла. Создатель погубит часть самого себя, и мы не знаем, что произойдёт с этой отсечённой частью.

Картины снова сменяются: чёрный пепел в воздухе, небо застлано не то облаками, не то дымом. Солнца не видно, холодно. Под ногами выбегает из-под камня крошечное существо. Посланник не делает никаких видимых усилий, но зверёк вдруг замирает вместе с хлопьями пепла вокруг нас. Разиил наклоняется, поднимает его и сажает на ладонь. Зверёк не двигается, замерев в беге, и оттого кажется чучелком. У него длинный хвост, серые пятна на чёрной шерсти. Тупая мордочка и несуразно большие зубы-лопатки, слегка загнутые вперёд. Кажется, из-за них этот тварёныш никогда не сможет закрыть пасть. Посланник смотрит на существо, всё оживает, и зверёк, испуганно пища, начинает метаться по ладони.

– Не знаю почему, но он мне очень симпатичен, – поясняет Разиил. – Это одно из первых млекопитающих. – Он бесцеремонно берёт зверька за длинный голый хвост и опускает на землю.

– погоди! – Не знаю, что это я вдруг, но очень уж хотелось попробовать. – Можно погладить?

Посланник улыбается:

– Что ж, Майкл, ты и правда любопытный парень. Во всех смыслах. Видимо, мы в тебе не ошиблись.

Он снова поднял трепыхающуюся зверушку и протянул мне. Я сложил ладони лодочкой, подставил их и почувствовал частую дрожь и дыхание хрупкого тельца. Малыш вдруг притих. Я оставил его на одной ладони, другой погладил по спине. Он не шелохнулся, и я спустил его на землю. Секунду помедлив, зверёк рванулся с места и шмыгнул под валун неподалёку.

– Очаровательный, – ещё раз улыбнулся Разиил. – А теперь смотри.

Чернота сменилась ярким светом тропиков, нас снова окружало буйство растительности, плешивая обезьяна, опираясь на длинные передние конечности и подтаскивая задние, спешила к ближайшему дереву. Среди его корней она нашла кривую палку, ухватила её пальцами ноги и целеустремлённо полезла вверх по стволу.

– Зачем она ей сейчас? – поинтересовался я.

– Полезла сбивать плоды, если не ошибаюсь, – ответил Разиил.

Обезьяна уже скрылась в кроне, теперь мы стояли в пещере, перед нами сидел почти голый волосатый мужчина. У него был низкий лоб, широкие мощные плечи, мускулистые руки с корявыми длинными пальцами. Он что-то жевал, сосредоточенно водя красноватым камнем по полу пещеры. Казалось, он рисовал: камень оставлял за собой след. Сзади к нему подкрался другой человек. Выглядел он почти так же, в руке у него тоже был камень, но уже тёмно-серый, явно заточенный.

– Стоп, – скомандовал Разиил.

Всё замерло: занесённая над головой художника рука, сам художник.

– Вот с этого момента мы потеряли контроль. Видишь их? Их жизнь определяется генами, белками, клетками, зонами мозга. В общем, вроде те самые Причина и Следствие. Но у них, то есть у вас, – он сделал жест рукой, объединив меня с двумя низколобыми людьми, – появилось нечто совсем неожиданное – воля. Воля слабая, еле ощутимая в большинстве из вас, несравнимая по мощи своей с Волей Творца. Однако ваша воля, дитя Причины и Следствия, имеет к ним доступ. Причина и Следствие вашего мира подвластны ей. Она способна внедряться в законы и менять их, сама будучи частью закона. Смотри.

Мужчина с камнем с размаху всадил его в голову сидящему, череп треснул, художник завалился на бок, не издав ни звука. Победитель аккуратно обошёл поверженного и высвободил из его пальцев красный камень. Поднёс к глазам, радостно заукал, поскрёб им по стене, убедился, что камень всё так же оставляет красный след и, восторженно лопоча что-то, скрылся

в глубине грота. Я озадаченно наблюдал эту сцену, размышляя, почему именно её показал мне Посланник и как она иллюстрирует этот мутный рассказ об основах бытия.

– А теперь, Майкл, – вновь заговорил Посланник, – я покажу тебе, что ещё происходило в этом мире, пока люди развивались, учились владеть огнём, рисовать и убивать друг друга. Он щёлкнул пальцами, и я вынужден был зажать уши: страшный рёв обрушился на меня. Вокруг всё мелькало, звенело, сквозь грохот прорывались вскрики, стоны, рычание, лязг – происходило что-то грандиозное, но из-за поднявшейся пыли я ничего не мог разобрать. Посланник повёл руками, мы оторвались от земли и взмыли над полем битвы. Внизу царил хаос, но рёв исчез, будто кто-то выключил звук на записи – видимо, тоже работа Посланника.

– Это битва Первородных, – пояснил он. – Я тоже Первородный. Когда человек заявил свои права на собственную волю, Создатель расщепил себя на нас, чтобы получить хоть какой-то доступ в свой эксперимент. Часть Создателя внезапно стала неуправляемой для него самого. Мы ростки его Воли в мире Следствий и должны были подчинить себе развитие человечества. Но посмотри на эти создания внизу (будто я этим и так не занимался) – они сотворены по образу и подобию вашему. Но ваша природа изувечила нас.

Мы висели метрах в двадцати над полем боя, на котором сошлись две армии. Особой разницы между ними не было: крылатые люди, закованные в броню чудовища, воины с копьями, мечами, топорами сцеплялись в схватке на спинах монстров, падали с них и вновь набрасывались друг на друга под ногами тварей, а те в ярости рвали друг друга, вырывая куски мяса, и безжалостно топтали своих хозяев без разбору. Прямо подо мной шипастый монстр размахивал гигантской булавой на хвосте, ревя и отгоняя дракона. Не такого дракона, как наш Эмилион, а тварь метров тридцати в длину, которая скакала вокруг него, то взлетая, то садясь ему на спину, маневрируя гигантскими чёрными крыльями, будто чудовищная птица. На драконе сидела женщина, покрытая чешуёй, она явно что-то кричала, правя драконом, но до нас не доносилось ни звука. Шипастым чудовищем, кажется, никто не управлял. Дракон уже впился когтями в бронированную спину и раскачивал этот танк, пытаясь перевернуть.

Тут я заметил размытый штрих, мелькнувший в воздухе. Неприятный свист, показавшийся невыносимо громким в мёртвой тишине, окружавшей нас, сопровождал этот росчерк. Я успел заметить, что копьё летит откуда-то снизу, из гущи битвы. Оно сшибло наездницу с дракона, пронзённая, та начала падать, но до земли не долетела: её подхватил рой крошечных существ, сновавших повсюду. Казалось, они обволокли её, как пчёлы, а когда рой распался, от погибшей уже ничего не осталось. Импы разорвали её, не оставив даже костей.

– Чистая работа, – прокомментировал Разиил.

Я молчал, замороженный этим безумием, но потом всё же решился спросить:

– А ты? Ты тоже был там?

Посланник отрицательно качнул головой:

– Я смотрел на битву, как мы сейчас, – таково было моё предназначение. – Может быть, мне лишь почудилось, но в его голосе я слышал нотки сожаления.

Тем временем дракон, лишившись хозяйки, взвился над полем и полетел прочь, а утыканный шипами монстр внизу продолжал бешено размахивать своей булавой, круша всё вокруг, не разбирая, где свои, где чужие, рвался вперёд, расшвыривая других наездников и их зверюг.

– Видишь, у этих существ нет сознания и воли, они животные. Они участвовали в битве только как оружие Первородных, сложнейшие механизмы. – Разиил обвёл рукой поле сражения.

– Но ведь Эмилион, тот, что работает у нас, тоже дракон, а он вроде как разумен, – заметил я.

– С драконами всё сложнее, большинство из них были просто творениями Первородных, но и среди самих Первородных было несколько драконов. Точнее, несколько существ, в которых Создатель, экспериментируя, вложил часть себя. Воля даёт возможность творить. В

определённых рамках, разумеется, но всё же творить. Как Он, как люди – суть одна, просто масштабы разные. Нас было много, – продолжал Посланник. – Он всё дробил и дробил себя, сиюсь умножить своё влияние в этом мире. Я был одним из первых, поэтому выгляжу как человек. – Посланник выдержал небольшую паузу и заговорил более мягким тоном: – Я понимаю, тебе всё это кажется нереальным, но тут другие правила – просто слушай и запоминай. Кстати, та очаровательная леди, что с тобой работает, Криша, она тоже Первородная и тоже участвовала в этой битве.

Криша была в том побоище, о котором иногда рассказывал Эмилион, и ни разу не обмолвилась об этом? Я был поражён. Стоп!

– А когда произошла эта битва? – Этот вопрос вдруг очень взволновал меня. – По человеческому летосчислению.

– Около одиннадцати тысяч лет назад, – ответил Посланник.

– То есть Крише как минимум одиннадцать тысяч лет?

– Ей много больше. Самым молодым Первородным одиннадцать тысяч лет. Большинство же гораздо старше.

Вот уж не думал, что речь шла о тысячелетиях. Порядком же они меня надурили! Я попытался вдуматься в эти цифры, представить одиннадцать тысяч лет, но меня затошнило.

– А все остальные? В смысле, кто ещё в «Счастье задаром» Первородный?

– Ещё тот, кого ты зовёшь Лари. Ты видишь его в облике наказанного пса, потому что он покусился на установленный порядок. В некотором роде он террорист. Суккубка тоже стала такой не просто так – у неё своё... Мы с тобой можем называть это наказанием. Твой друг, который выглядит как лошадь с рогом, – он родился позже, именно родился. Можно сказать, вышел из преисподней, но подробности сейчас не важны. – «Ещё как важны!» – чуть было не вырвалось у меня, но я сдержался, не желая перебивать Разиила. – У остальных свои истории, но это к делу не относится. Теперь ты видел достаточно, дальше я просто расскажу тебе.

С этими словами он положил руку мне на голову, по спине пробежали мурашки, я невольно закрыл глаза, а когда открыл их, мы стояли на той же тёмной улице, у закрытого кафе. Я глянул на часы – было 10:34, то есть прошло не больше минуты, пока Разиил показывал мне историю планеты. Я проморгался, оглядел Посланника. Он похлопал меня по плечу и предложил пройтись. Мы двинулись вниз по хорошо освещённой улице.

– У тебя наверняка есть вопросы, – начал Посланник. – Задавай, но на некоторые я могу не ответить.

– Хорошо. – Я задумался. – Почему у Творца возникли такие проблемы с контролем над людьми? Разве Он не всемогущ?

Посланник помотал головой:

– Нет. Он всемогущ в том, что подвластно Ему. Идея жизни заключалась именно в спонтанности её возникновения и развития. Она возможна лишь в мире, недоступном Воле Творца. Воля не может вмешаться в этот мир, у него другая природа, противоположная, недоступная Создателю. И при всём при том этот мир и есть часть Создателя.

– Он создал камень, который не может поднять... Я всегда считал это лишь языковой проблемой.

– Именно, Майкл, тот самый камень. Только этим камнем стала свобода. Когда появились люди, Он не имел представления о том, как устроена человеческая воля. И до сих пор не может понять. Представь, что в животе у тебя завелись паразиты, которые начали перестраивать твоё тело изнутри, а ты не можешь ничего с ними сделать. Он нашёл способ проникнуть сюда – разделив себя на нас, Первородных. Он ожидал, что мы просто уничтожим человечество и эксперимент завершится сам собой. Но Он снова недооценил своё творение. Причина и Следствие, образцы, снятые с людей, искорежили нас – перестав быть целым, мы стали осколками, больше похожими на вас, чем на Творца.

– Понятно, – протянул я. – Хотя нет, ничего не понятно. Окей, предположим, я уловил идею. А вы, Первородные, живёте вечно? Вам нужно есть, пить, спать – вы живы биологически?

– Да. Это наша дань Причине, а наша смертность – дань Следствию. Вот я, например, нуждаюсь и в еде, и в воде, и в сне, и даже во всём остальном, что нужно человеку. У меня даже были дети в разных эпохах, но они уже давно умерли, а я нет. Первородных можно убить – это могут сделать и люди, и другие Первородные. Но не все они как я – некоторые не имеют формы человека. К тому же мы можем перестраивать себя. Объединяет нас только власть над материей. И Воля. И, конечно, мы все умрём вместе с этим миром, что будет не так уж скоро даже по нашим меркам: когда Вселенная сожмётся до того состояния, в котором находилась, когда была запущена.

– Так, а что там про конец, о котором ты говорил? – тут же вспомнил я.

– Об этом позже. Чтобы ты понял, нужно ещё о многом рассказать.

Тогда я спросил про то, что всегда не давало мне покоя в отрывочных рассказах Эмилиона:

– Скажи, а из-за чего началась битва Первородных?

– Что ж... – Разиил помедлил. – Это правильный вопрос. – Мы появились, чтобы закончить эксперимент, устранить угрозу. Создатель, вероятно, предполагал, что сможет действовать через нас как через единое целое. Но Он снова ошибся. От целого в нас осталось лишь призрачное чувство общности. А осознав себя, мы тут же озаботились собственными интересами. Мы задавались вопросами: если уничтожить людей, что будет с нами? хотим ли мы возвращаться в единую Волю? помним ли мы что-то о том состоянии? было ли оно вообще? что нам делать? Мы видели в людях угрозу, понимали её. Но уничтожить людей для нас не менее опасно: что потом? Мы не развиваемся как вы, мы не меняемся, мы не венец этого мира. Очень возможно, что, если не станет вас, этот мир потеряет свою суть, деградирует, вновь сольётся с Творцом, но далеко не все мы хотим этого. И не все уверены. Некоторые Первородные высту-

пили за первоначальный план: избавиться от человечества. Однако нашлось много и тех, кто встал на вашу защиту. Меня среди них не было, я всегда занимал нейтральную позицию. И из искр наших споров разгорелась война. Это было первое заимствование, сделанное нами у мира людей, и оно стало откровением для нас самих: убивать друг друга из-за идеи, не из-за нужды. До Битвы такого не происходило, но чем больше накалялась обстановка, тем всем становилось яснее, что пора создавать оружие. Оружие как у человека – ничего другого нам тогда в голову не приходило. Ну и существ. Мы могли творить биологическую неразумную жизнь – и ты видел, что породили наши таланты.

Я стоял разинув рот.

– Но почему Первородные начали заступаться за людей?

– Потому что были созданы по образу и подобию вашему. – Разиил сбавил тон и улыбнулся снисходительно. – Всё же мы – почти вы, и те, кто заступался за вас, верили, что без вас этот мир потеряет свою бесконтрольность, свою, выражаясь богословским языком, самопричинность, а значит, и нашему существованию придёт конец. Наверняка было ещё что-то, но об этом ты уже можешь подумать сам на досуге.

– А ты на чьей стороне был?

– Я вместе с несколькими другими Первородными занимал нейтральную позицию – мне не было всё равно, но воевать с собратьями я не собирался в любом случае. Моё дело – знать. Мы подарили той бойне пространство и импов, которые повсюду следовали за сражавшимися, уничтожая трупы. Оттого люди не видели этой войны: не осталось никаких следов. В итоге никто не победил: силы были примерно равны и уже слишком много первородных погибло, чтобы продолжать борьбу. Поэтому оставшиеся сели за стол переговоров решать судьбу людей. Нас осталось мало после Битвы, фактически, там могли бы погибнуть все. Мы слишком поздно осознали необратимость того, что устроили, и, подстёгиваемые страхом и ещё не рассеявшейся ненавистью, чуть было не превратили переговоры в новую схватку. Но разум возобладал. Мы решили взять развитие людей под контроль, не афишируя себя. Так появились те конторы, о которых ты, может быть, слышал. Все ведомства, отделы, регулирующие – не напрямую, естественно, а лишь косвенно – жизнь человечества, корректируют его историю. Иногда это получается, иногда нет. Параллельно мы наблюдали за людьми, входили с ними в контакт, иногда преподносили подарки или наказывали – эти тысячи лет прошли в целом отлично. Самым забавным было то, что мы вечно подглядывали у людей идеи: структуры организации, языки, мебель, машины – всё синтетическое. То есть, разумеется, очень многое мы создали задолго до того, как это сделал человек, но это скорее заслуга наших возможностей, а не разума. А сейчас мы уже просто пользуемся плодами цивилизации, стали потребителями. Мы отстали, Майкл. – В его голосе слышалась горечь. – Я хожу в этом пальто, и оно мне нравится. – Он одёрнул полы своей шинели. – Его сделал человек. Сам бы я вряд ли такое придумал, хотя легко могу сотворить идентичное.

Разиил сделал паузу, по его отстранённому взгляду я понял, что он заговорился. Посланик вздохнул, сбрасывая оцепенение:

– Всё же тогда оказалось больше тех, кто опасался людей: ужас битвы, порождённой разумом человека, оставил свой след. Они настояли на том, что людей придётся уничтожить рано или поздно. Как видишь, опасения были не напрасны. Было решено дать людям срок, но запустить Систему обратного отсчёта, которая сотрёт человечество с лица Земли через несколько тысяч лет, пока не станет слишком поздно. Апокалипсис, Судный день – было много попыток предупредить людей об этом, но тогда ещё вы были неспособны принять такое знание. В ваших культурах столько легенд, пророчеств, но никто не знает главного. Именно ради этого я и беседую с тобой сегодня.

– Что за Система была создана, Разиил? – Я перебил его и удостоился недовольного взгляда – Посланник был явно увлечён своим рассказом. Он взял паузу, будто набивая цену тому, о чём собирался дальше поведать мне, и продолжил всё в том же пафосном тоне:

– Чтобы объяснить это, мне придётся ещё больше усложнить свой рассказ, ввести новых... героев. Извини.

– Не передо мной извиняйся, – вздохнул я, – не мне же, на самом деле, в это вникать.

Он испытующе посмотрел на меня.

– Причина и Следствие, о которых я столько раз говорил тут, – это сущности явлений. Сущности реальных, происходящих в этом мире событий. Нога пинает бутылку. – Он толкнул стекляшку, валявшуюся на тротуаре, носком ботинка, и она со звоном покатила к проезжей части. – Сущность Причина воплощена в столкновении ноги с бутылкой. Сущность Следствие – в покотившейся бутылке. Сущности – это то, как Воля может воспринимать мир Причины и Следствия. У всего в этом мире есть сущности – у тебя, у этого столба, у любви, у боли, у войны, но они не связаны законами этого мира, поэтому в некотором роде они доступны и вам, и Творцу, и нам. Система... – Он прожевал это слово, будто решая, уместно ли оно, – похожа на компьютерный вирус, только работающий в материальном мире. Она собирала информацию о жизни людей, об их слабостях и сильных сторонах, об их характерах, биологии, численности и в определённый момент выделила сущности, которые ослабляют и душат цивилизацию, на какой бы стадии развития она ни находилась. Но до определённого дня эти сущности были безвредны. Они время от времени скалили зубы, но не могли помешать людям с их прогрессом. Поэтому главное условие программы – возложить остаток работы на самого человека. Люди сами родят то, что погубит их. Естественно, не по своей воле. Но дитя человеческое вместе с теми, кого создала Система, положит конец власти людей над миром. Таков наш замысел.

– Подожди, конец власти, но не всего человечества, так? То есть это не библейский апокалипсис. Кто-то уцелеет.

– Когда гибнут миллиарды, никто не может гарантировать сохранности нескольких. И это зависит уже не от нас. Наши опасения никуда не делись, но могущество людей сейчас представляется наибольшей проблемой, поскольку ещё чуть-чуть, и наша Система уже не справится с вашим прогрессом. – Разиил вдруг нахмурился и произнёс низким голосом, театрально прикрыв глаза: – День Его триумфа близок, Майкл, очень близок. Запомни, война – это конец человечества, но это и ваш последний шанс. Впрочем, – внезапно он снова перешёл на неприкрытый тон, – лично я считаю, что у человека как вида неплохие шансы.

Глава 6

Повисла пауза. Мы так и стояли, подавшись друг к другу, под фонарём на пустынной улице.

– Это пока всё, – внезапно закончил он, выпрямился, вдохнул полной грудью прохладный ночной воздух – даже в нашем загазованном городе по ночам бывает свежо, когда ветер дует в сторону моря, – и, развернувшись на каблуках, исчез в ближайшем переулке, зачем-то проведя рукой в перчатке по кирпичной стене. В темноте слышались шуршащие хлопки: я представил, как он, выйдя на открытую площадку, расправляет огромные чёрные крылья и растворяется в ночном небе, словно ангел Благовещения. Но, скорее всего, это была лишь игра моего взбудораженного воображения.

Я остался один на один со свалившейся на меня информацией. Игра, Создатель, запертый в своём творении, Вселенная, Жизнь, Первородные, Битва, Система уничтожения, Причина и Следствие. Отлично, ну просто замечательно! Мне очень хотелось есть, и из этого странного экскурса в историю мироздания я так и не вынес ни намёка на то, при чём же тут моя скромная персона.

Благо Посланник оставил меня в хорошо знакомом районе, до дома было минут пятнадцать ходьбы. Я пытался осмыслить всё услышанное, как-то структурировать новые знания и найти ключ к пониманию того, зачем мне всё это было поведено, но единственное, к чему удалось прийти, когда я оказался перед дверью своей квартиры, это что на работу я с утра явно опоздаю. Усталость навалилась внезапно, стоило переступить порог. Я даже забыл о желанном ужине, чмокнул Элис и, пробормотав что-то невнятное, поскорее улёгся в постель.

Моё предположение полностью оправдалось: Элис растолкала меня около двенадцати, так как я даже не удосужился завести будильник. Она что-то торопливо лопотала, и её очаровательный курносый носик смешно дёргался. Сон долго не отпускал, мне не хотелось просыпаться и уж тем более вникать в то, что она говорила, поэтому я сгреб её в охапку и притянул к себе. Она почему-то начала вырываться и сердито одёрнула меня:

– У нас гости, Майкл, к тебе пришла девушка, говорит, ты её знаешь.

Элис глянула на меня, прищурившись, и в зелёных глазах блеснул холодок. Только тут я осмотрелся и увидел в дверях Кришу. Я мотнул головой, думая, что мне привиделось, но Криша никуда не исчезла, а продолжала стоять, облокотившись на дверной косяк. Она наблюдала за нашей маленькой семейной сценой с любопытством.

– Что ты здесь делаешь? – тупо спросил я и вновь почувствовал колкий взгляд Элис.

– Повторяешься, – промурлыкала Криша. – Пропускаешь всё самое важное, да ещё и даму беспокоишь.

Видимо, лицо у меня было такое растерянное, что она смилостивилась, опустила голову, пытаюсь скрыть улыбку, и сказала уже серьёзно:

– Майкл, нам надо поговорить...

Элис театрально вздёрнула бровь, предлагая мне прокомментировать ситуацию.

Я чувствовал себя предельно глупо, заспанный и полуголый, в кровати, перед ревнивой женщиной, которая то ли уже мысленно перенесла Кришу в эту же кровать, то ли просто издевается надо мной и суккубкой, которая сейчас, что и говорить, была невероятно хороша собой. Без рогов и крыльев, аккуратно сложенных под платьем, в этой хрупкой девушке было бы не просто признать древнюю истязательницу из кошмаров.

Повисшее молчание затянулось, я лихорадочно думал, что сказать. Тут Криша решила взять ситуацию в свои руки и обратилась к Элис:

– Это сугубо по работе. Я Криша, мы работаем с Майклом уже четыре года – может быть, вы слышали обо мне, уж я-то о вас слышана. – Она протянула Элли руку. – У нас ЧП на работе, и нам необходимо обсудить, что делать.

Её обворожительная улыбка, похоже, подействовала даже на мою благоверную, она помедлила минутку и представилась, пожав протянутую руку. Я знал, как она ценит этот исконно мужской ритуал по отношению к себе – когда мы знакомились, я тоже протянул ей руку, и позже Элис призналась, что это её подкупило. Не помню только, рассказывал ли я об этом Крише.

Угроза недопонимания рассеялась, и я подал голос, попросив дам подождать на кухне, пока я приведу себя в порядок. Тело почему-то очень ныло: возможно, сказывалось вчерашнее путешествие с Разиилом. Ноги ломило, в голове блуждало отупение. Было похоже на похмелье. По идее, ничего общего, но чёрт разберёт, как работают их приёмы.

Когда, немного оклемавшись и приведя в удобоваримое состояние мыслительный процесс, я вошёл на кухню, Криша с Элис сидели друг напротив друга, держа в руках по бокалу вина, на тарелке между ними лежал аккуратно нарезанный сыр, а сами они что-то оживлённо обсуждали, время от времени сдержанно смеясь. Женщины. Я аж залюбовался. Элис со всеми быстро находила общий язык. С моим появлением дамы умолкли, как по команде: похоже, бабские секреты для меня не предназначались. Элис поспешно встала.

– Не буду вам мешать, кофе горячий. – Она поцеловала меня в щёку и вышла, уже без тени недовольства (надеюсь).

Я налил нам кофе и уселся напротив Криши в ожидании объяснений. Она сразу же перешла к делу:

– Извини, что пришлось заявиться так вдруг – не хотела обсуждать это в офисе, да и ты не пришёл с утра. Позавчера я увидела кое-что, что меня встревожило. Я рассказала Лари, и он тоже считает, что тебе необходимо знать. Да ещё последние две ночи подтвердили мои опасения.

– Что-то случилось? – Я забеспокоился, не обижает ли её кто – почему-то это было первым, что пришло в голову, и я сам подивился абсурдности своего предположения.

– Я, видишь ли, сегодня выпалась. Впервые с того момента, как меня наказали.

Она действительно выглядела сейчас, в полдень, свежей и отдохнувшей, хотя обычно в это время отключалась даже стоя, измотанная ночными похождениями.

– Намечается кое-что серьёзное, и я считаю, ты должен об этом знать. Или уже знаешь? – Криша вопросительно посмотрела на меня. – С тобой ведь говорил Посланник?

– Да. Он рассказал о Системе и о Конце, который скоро наступит. Правда, он вывалил на меня столько информации, что я наверняка упустил кучу важного.

Не видя смысла что-то от неё скрывать, я пересказал всю ночную беседу. Она понимающе кивнула:

– Отлично. Тебя уже просветили. Значит, ты сыграешь в этом представлении значительную роль. И, полагаю, наш новый парнишка тоже? – Она опять выдержала паузу, ожидая подтверждения. – Возможно, всё произойдёт быстрее, чем ты мог представить. Ты ведь не слышал, как дословно звучало моё проклятье?

– Ты так часто его повторяла, а я каждый раз был занят чем-то более важным. – Я не мог упустить случая поддеть её.

– Не будет восставшей ото сна в ночи, пока блоха не изопьёт крови агнца, и тогда услышишь ты: «Иди и смотри!» – и ступит на землю Первый Всадник, чтобы победить. Такое проклятье возможно только на уровне Сущностей. Но у любых Сущностей должны быть воплощения, чтобы они могли затрагивать реальный мир. Это пример того, что может Воля сделать с Волей – Разиил, вроде, прочёл тебе вводную лекцию по основам мироздания.

– Подожди, а за что ты его получила? Восставшая? Ты бунтовала против кого-то? И, кстати, почему тебе так важно было это скрывать?

– На то были причины, – уклончиво ответила она. – Сейчас это не так важно, потом как-нибудь расскажу. Так вот, позавчера я попала на доставку к женщине куда-то в Центральную Европу. Она была счастлива, потому что её сын выздоровел после долгой болезни, и они пошли с ним в маленький местный зоопарк. Я стояла и смотрела на них, когда мальчик закричал: «Мамочка, мамочка, посмотри!» – и повёл её к загону с овцами – они толкались и блеяли прямо у ограждения. Мальчик протянул руку погладить одну из них. Потом вдруг ойкнул без видимых причин, отдернул руку и принялся другой чесать тыльную сторону ладони – будто его укусил кто-то. Меня сразу же вернуло в контору: мама была счастлива. Но мне не давала покоя эта сцена, я весь день думала об этом, вспоминала, когда ещё видела этих существ, а придя домой, просто отключилась и проснулась уже утром. Такого не было последние восемь сотен лет. Значит, Первый Всадник начал своё дело.

– Первый Всадник?

– Первый из четырёх.

– Речь о четырёх... Всадниках апокалипсиса? Как в Библии?

– Да, только сейчас их всего трое. Там они описаны весьма метко, для людей, – уточнила Криша. – Когда Система породила Всадников, каждый из них опробовал свои силы, и люди, писавшие Новый Завет, неплохо их узнали. Каждый из них – воплощённая Сущность. Вернее, в каждом – целый хоровод: стихийные бедствия, моры, засухи – всё это дело рук Всадников. Система выделила их, сформировала, и вот они взялись за дело. Эти ребята не показывались много столетий, но суть не изменилась. Они способны управлять тем, что губит человечество, и жаждут дня, когда им будет позволено развернуть свои таланты в полную силу.

– Они ненавидят людей?

– Нет, конечно, с чего бы? Тогда их можно было бы переубедить, – усмехнулась Криша. – Всадники просто были созданы такими, в этом их предназначение. Я не уверена, что их можно считать разумными существами и говорить, что они чего-то там действительно хотят или не хотят. Они воплощают свои Сущности, и эти Сущности определяют их действия. Однако... ох, это сложно. – Она потёрла виски, будто у неё начиналась мигрень. – Я не могу думать о сложных вещах и одновременно удерживать рога.

– Хорошо. То есть ничего хорошего, но хоть появилась какая-то конкретика. Если всё это действительно начинает происходить, то что мы можем сделать? Чего нам вообще ожидать? Звезда-Полынь упадёт, а реки обратятся в кровь? – В памяти всплывали запомнившиеся с детства отрывки. – Действительно ли всё так, как рассказал Посланник?

– Ты говорил с Разиилом, хранителем тайны? – Я кивнул. – Тогда всё так и будет, он не врёт. Посланник верит, что случится предначертанное, что всё предопределено Причиной и Следствием, поэтому не делает содержательной разницы между ложью и правдой, однако по каким-то личным причинам выбирает правду.

– Напоследок он сказал мне, что у человечества есть шанс и это война.

– Война? – переспросила она. Потом сощурилась и повторила, как бы смакуя слова: – Значит, война.

– Перед этим он сказал, что война – гибель человечества. Но она же и спасение.

– А он не уточнил, что именно положит всему конец?

– Дитя человеческое, – припомнил я.

Криша вдруг встала и, ничего не сказав, пошла к двери. Уже выходя, бросила:

– Мне надо поговорить с Джимом. Если увидишь его, дай мне знать. И лучше придержи его в офисе – не стоит торопить апокалипсис. – И она ушла, хлопнув дверью. Правда, через секунду голова Криши снова показалась в проёме и крикнула Элис, что очень благодарна за кофе.

Я вконец запутался. Ничего сложного, вроде, не было, но сейчас эти предсказания звучали как какой-то недоделанный рассказ. Понятный, но фантастичный рассказ, к которому неизбежно возникает множество логических претензий. Мне казалось, будто всё это происходит где-то в другом мире и меня совершенно не касается. Чего я всё ещё абсолютно не понимал, так это своего места в намечающемся действе. Да и роли Джима тоже, так что решил в первую очередь аккуратно поболтать с ним. Хотя нет, лучше для начала обратиться к Джерри. В любом случае нужно было сходить в контору, поэтому я расцеловал Элис (ко мне уже начала закрадываться предательская мыслишка: «А не в последний ли раз?») и двинулся на работу.

Ситуация получалась странная: Джиму двадцать шесть, он вернулся с войны, мечтает стать ветеринаром и не имеет ни малейшего представления о том, что ему уготована миссия уничтожения человечества (по крайней мере, именно так я интерпретировал внезапный побег Криши). Что-то не сходилось. Если Первородные хотели просто избавиться от людей в определённый момент времени, то что мешает им взорвать планету? Или создать миллионы тварей, которые сожрут нас? Судя по рассказу Посланника, они в состоянии сотворить что-то подобное. Вроде, он говорил что-то о сомнении в сохранности текущей формы мира без людей, а Первородные, похоже, заинтересованы в этом, но я уже не был уверен, что правильно понял этот замут. Надо будет выяснить.

Со Всадниками всё относительно просто: они рождены Системой и запрограммированы нести смерть, но, как сказал Посланник, Джим не такой. Ведь он не Сущность? А если он не захочет добивать людей? Да и с чего бы ему захотеть? Я не заметил в нём озлобленности. Кажется, он ненавидит войну. В чём же подвох?

Эти рассуждения сопровождали меня, пока я выходил из переулков на бульвар, по которому мог, не сворачивая, дойти до улочки, где пряталась «Амбре». Несмотря на то, что идти надо было весьма приличное время, ни до чего путного я не додумался, поэтому сосредоточился на том, что знал о библейском Апокалипсисе.

«Откровение» я читал всего раз, да и то пролистывая страницы, потому что до знакомства со «Счастьем задаром» был рьяным атеистом, как и практически все мои сверстники. Ведь мы исповедовали протест против традиционных устоев наших родителей, а это обязывало осмеивать малейший намёк на божественное начало. Так что остатки моих воспоминаний о книге Иоанна были весьма скудны.

Кажется, первый Всадник скакал на белом коне. Остальные, видимо, не на белых – это всё, что мне удалось вспомнить. Мои теологические познания определённо нужно было освежить.

Однако Криша сказала, что Всадников лишь трое. Тогда, возможно, Джим – четвёртый. Или четвёртый с ним как-то связан? Он рассказывал, что много раз выживал в ситуациях, когда другие гибли и он должен был погибнуть. Однако по каким-то причинам ему удавалось спастись. Не помню точно, но среди Всадников наверняка был Война. Так ли это? Посланник столько рассказывал о битве Первородных и о том, как она ударила по всем ним. Первородные

бояться войны, это очевидно. Но могли ли они избрать её способом окончательного истребления человечества? Вполне возможно, но почему тогда Джим? Почему не ещё один Всадник, рождённый Системой вместе с остальными? И всё же он дитя человеческое, а следовательно, вполне подходит на роль истребителя.

На эти вопросы сам я ответить не мог, поэтому решил не морочить себе больше голову, а заняться сбором информации у своих подчинённых. Раз меня посвятили в надвигающиеся события, значит, я могу открыто их обсуждать с теми, кому доверяю, и требовать от них сведений, – решил я, толкая стеклянную дверь лавчонки.

Поздоровавшись со старичком, я спустился в наш офис, извинился за опоздание и плюхнулся на своё место, чтобы осмотреться. Похоже, все уже были в курсе. Встревоженное оживление не заметить трудно: херувимчики шушукались, Лари и Джер стояли (что было нехарактерно для ленивых четвероногих) и с серьёзным видом что-то обсуждали. Только Лиззи меланхолично сортировала документы по ящикам. Офисного дракона нигде не было видно. Вероятно, он отправился на вызов (ну хоть кто-то работает!). У рыжего единорога я не заметил даже косяка в зубах – это смахивало на верный признак чрезвычайности происходящего. Я сразу направился к парочке и начал без лишней прелюдии:

– Ну что, коллеги, как мир спасать будем?

– Никак, – мрачно зевнул Лари. – Криша сказала, что Первый Всадник явился. Что мы можем сделать-то?

Признаться, я был ошарашен таким пессимизмом.

– Посланник сказал, что у человечества есть надежда – война.

– Хуй на, – отрезал пёс. – Я подробностей не знаю, но войн видел предостаточно. Что ещё он сказал про апокалипсис?

– Что человеческое дитя по установке Системы положит всему конец. И время, мол, пришло. Разве нельзя остановить человека?

– Система была создана для того, чтобы уничтожить людей вне зависимости от уровня их развития. Людей и, скорее всего, животных тоже. Я вообще собака, что я могу сделать?

– Но ведь раньше ты не был собакой.

– Не был, и вот к чему это привело. Я вылизываю озабоченных хозяек. Каждый божий день. В общем, не думайте, что сможете справиться с машиной, устроившей это всё. – Он опустил уши и отошёл, поджав хвост.

– Не вини его, он ещё оклемается, – проговорил Джерри. – Просто никто не думал, что всё начнётся так вдруг. Кстати, что конкретно должно произойти, по словам Посланника? Лари сказал, что Всадников только три. Где четвёртый?

По его прижатым к голове ушам мне показалось, что этот вопрос его почему-то очень беспокоит.

– Вчера вечером Посланник Разиил устроил мне маленький экскурс в историю жизни на Земле.

Я вкратце пересказал ему всё, что сам запомнил, а общая суть ему и так была известна.

– Как думаешь, – спросил Джер, когда я закончил, – шанс человечества в войне – это в прямом смысле или какая-то метафора?

Я задумался. Сначала я воспринял это буквально: человечеству нужно сразиться за свою жизнь. Но когда Криша рассказала о Всадниках, это перестало быть таким очевидным. Может быть, как раз Всадник-Война – шанс человечества? Или всё ещё сложнее?

– Без понятия, – честно ответил я. – А почему Лари так пессимистичен?

– У него есть на то причины. Он уже разок пытался связаться с Системой уничтожения и помешать ей. Это связано с Кришей. Попробуй расспросить её, если будет случай, а меня не пытай – не люблю об этом говорить. – Джер воровато огляделся – удостоверился, что Лари не слушает.

– Хм... Ну ладно, – протянул я, раздумывая, не выйдет ли раскрутить Джеральда на откровение – речь явно шла о чём-то, чего я ещё не знал о них. Но сейчас были вещи поважнее, так что я оставил эту тему на потом. – Вообще, надо найти Джима и поболтать с ним. Пока что с ним ничего не ясно, а, судя по словам Посланника, он чуть ли не главное действующее лицо.

– А я думал, ты главное действующее лицо, – съязвил конь.

На этот раз я решил сыграть на дурачка:

– Честно говоря, у меня сложилось впечатление, что Посланник пытался дать мне понять, что моё место рядом с парнем, и это важно. Он сам вроде как сохраняет нейтралитет, но всё же, кажется, сочувствует людям. По крайней мере, так мне показалось. Если Джиму уготовано довершить дело Системы, надо присматривать за ним. В конце концов, если он не в курсе происходящего, то чёрт его знает, как он воспримет такую информацию.

– М-да, – пожевал губами рыжий. – Ввести его в курс дела определённо надо. Хотя я слабо представляю этот разговор: «Эй, Джимми, что ты думаешь о том, чтобы прикончить семь миллиардов человек?»

Я усмехнулся, не то чтобы очень весело, разговор и правда обещал быть непростым. Пару дней назад Джим попросил оставить тему войны и не терзать его, а тут – на тебе.

– Кстати, где он? – Я вдруг понял, что парень должен быть где-то поблизости, если ничего не случилось и он вышел на работу.

– Пришёл вовремя, ходит по вызовам, но какой-то обеспокоенный. Может, и ему уже рассказали что-то? Хотя ни с кем из нас он ничего не обсуждал. Короче, давай поймем его, как вернётся с вызова, работа-то куда не денется.

– И правда. Я тоже пока что займусь делами. – Я уже собрался было пойти к Раздатчику, но Джерри тихо одёрнул меня:

– Подожди! – Конь повертел головой, ещё раз проверяя, не подслушивают ли нас. – Помнишь, я про блох говорил?

– Ну, – вспомнил я. – Да-да, я помню про своё обещание. Как чуть-чуть разберёмся с тем, что происходит, я свожу тебя на конюшню.

– Не-не-не, постой. Я уже не так уверен, что это блохи. Я весь чесался, а теперь только голова зудит, у основания рога. – Он наклонил голову, показывая мне, – я присвистнул. – Что там? Там что-нибудь есть? Очень уж зудит. – Джер аж задёргался весь от беспокойства, пытаясь скосить глаза ко лбу.

– Ага, есть. – Я протянул руку и ощупал явственно обозначившийся бугорок чуть ближе к носу от основания рога. Вокруг него шерсть почернела. Я потрогал – бугорок был твёрдым.

– Поскреби, пожалуйста. – Я поскрёб, и Джер блаженно фыркнул. – Что там?

– Как будто воспаление какое-то. Чёрный бугорок. Может, второй рог растёт? – подмигнул ему я. – Может, слишком много врешь? – Я не удержался от ответного укола. Слишком уж много новенького всплыло за последние дни, а Джерри продолжал темнить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.